

МАЛЬЧИК С ЖИДОВСКОЙ УЛИЦЫ.

В основе этой истории лежат действительные события из жизни реальных людей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. 1939 ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	
Глава первая. Перед грозой.....	
Арон.....	
Чардаш.....	
Монька.....	
Акция.....	
Юзик.....	
Янкель.....	
Наваждение.....	
Рувим.....	
Глава вторая. Звери и люди.....	
Стас.....	
Побег.....	
Коррида.....	
Полёт.....	
Переправа.....	
Знакомство.....	
Львов.....	
Бравы ребятушки.....	
Последний бой Ференца Экели.....	
Часть вторая. Передышка.....	
На новом месте.....	
Дядя Веня.....	
Страшная весть.....	
Праздники.....	
Нашего полку прибыло.....	
Стайки.....	
Нас три сестры.....	
Осенние метаморфозы.....	
Почти детективная история.....	
Не пей, Иванушка, козлёночком станешь.....	
Детективная история.....	
Новогодние сюрпризы.....	
Показательные выступления.....	

Подарок.....	
Слоновья болезнь.....	
Противостояние.....	
Прекрасная Лорелея.....	
Дача.....	
Часть третья. Огненная круговерть.....	
Начало.....	
Отъезд.....	
Возвращение.....	
Рекс.....	
Гетто.....	
Первый бой.....	

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Колонна армейских машин ехала по дороге. В крытой передней машине находились немецкие солдаты. Остальные грузовики были забиты еврейскими юношами, сидевшими в кузовах на полу спиной к движению, тесно прижавшись друг к другу. В каждой машине находилось также по два охранника, следивших, чтобы между задержанными не было никаких контактов.

Рувим сидел в последней машине в последнем ряду у бокового борта, его тело затекло от долгого сидения в одной, неудобной позе. Повернуться он не мог. Прямо перед глазами маячила здоровенная волосатая лапа охранника, придерживающая стоящую между колен винтовку, а в нос бил отвратительный запах самогонного перегара, дешёвого табака, грязного мужского тела и чего-то ещё не менее противного. Второй охранник сидел у противоположного борта. Стоило кому-нибудь из ребят пошевелиться, как раздавался грозный оклик.

Еще несколько часов назад он был дома. Мама послала его в лавочку. Он охотно побежал выполнять задание. Последние дни дети редко покидали свои дома. Подбегая к дому своего друга Арона, он увидел неподалеку немецкую армейскую машину, заполненную какими-то людьми, около которой возилось несколько солдат. На всякий случай он свернул во двор и подошел к сараю, где последнее время жила семья Кейлиных. Оттуда доносился женский плач и причитания. На земле были видны следы крови. Пока Рувим топтался у дверей сарая, не зная, что предпринять, во двор из дома вышел Стас, одетый в немецкую солдатскую форму без погон. Увидев Рувима, он в два прыжка подскочил к нему, сбил с ног, потом, схватил за шиворот, потащил со двора на улицу. Рувим пытался вывернуться, но Стас был гораздо сильнее его. На улице на помощь Стасу подбежал один из немецких солдат. Он ударил Рувима прикладом винтовки и заставил его залезть в машину. Она была уже почти заполнена молодыми еврейскими парнями. Рувиму пришлось сесть в углу у заднего борта. Вскоре солдаты привели еще нескольких человек, которых усадили рядом с Рувимом. Его ближайший сосед был сильно избит. Распухшее лицо его было покрыто кровью, которая сочилась из рассеченной брови. Вскоре машина тронулась и присоединилась к колонне других машин, увозивших ребят из Лодзи в неизвестном направлении. Все это произошло так быстро и неожиданно, что казалось Рувиму каким-то страшным сном. А тем временем машины медленно проехали по

опустевшей безлюдной Жидовской улице, где Рувим прожил всю свою жизнь и где ему был известен каждый уголок, каждый камень. И тут он вдруг осознал, что никогда не увидит больше ни этой улицы, ни друзей, ни своих близких. И его охватила страшная тоска.

Какое-то время машины ехали по знакомым улицам. Рувим догадался, что они пересекают город в восточном направлении. Промелькнули серые корпуса текстильной фабрики, на которой работал Ференц Экели, и начались окраины Лодзи с кривыми, неухоженными улицами. Началась тряска. Кузов раскачивало и подбрасывало на ухабах, ребят, сидевших в кузове, мотало из стороны в сторону. Ближайшего соседа Рувима качнуло так, что он с силой прижал Рувима к борту машины, а капли крови, стекавшие по его лицу, попали на пальто Рувима и сапог охранника. Тот расшвырялся и ударил парня прикладом винтовки в живот.

Наконец, колонна выехала за городскую черту и тряска прекратилась. Машины плавно покатались по гладкой дороге, и Рувим смог, наконец, собраться с мыслями. Он попытался вспомнить события последних месяцев и понять, что же произошло со страной и родной Лодзью, где он родился и вырос. И вот, словно кадры немого кино, в его подсознании всплыли лица его друзей, родителей, любимых сестёр, картины предвоенной жизни. И под мерное покачивание кузова он погрузился в воспоминания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПЕРЕД ГРОЗОЙ

АРОН

Рувим родился и все свои неполные пятнадцать лет прожил на Жидовской улице в Лодзи. Конечно, он любил её всей душой, хоть это была обычная улица, каких много было в провинциальных польских городах в тридцатых годах двадцатого столетия. Ничего примечательного, кроме названия, у неё не было. И как свидетельствует её название, она была заселена еврейскими семьями со средним и мелким достатком: рабочими, портными, мелкими торговцами, извозчиками. Жило здесь и некоторое количество немецких и польских семей, а также представители других национальностей. А в конце тридцатых годов здесь появились беженцы из Германии, Австрии, Чехословакии, спасающиеся от фашистов.

По обеим сторонам этой неширокой улицы располагались одно-, двух- и трехэтажные домики, окруженные небольшими садами и палисадниками, огороженными деревянными заборами. Проезжая часть улицы была покрыта булыжником и находилась в хорошем состоянии. Почти не было ям, луж и грязи. На Жидовской улице обычно жилось относительно спокойно. Среди взрослых не было серьезных конфликтов, поножовщины и убийств. Даже воровства серьезного не было. Конечно, были крикливые разборки, которые, в конце концов, оканчивались мирным соглашением. Взрослые были заняты своим делом. Зато детей здесь было великое множество. Летом большую часть дня дети проводили на улице, бегали, играли, дрались и мирились. Образовывались группировки, дружеские компании, члены которых большую часть времени проводили вместе. Одна из таких компаний облюбовала двор, в котором жил друг Рувима и один из членов этой компании – Арон Кейлин. Это был единственный на улице большой двор, как будто специально созданный для различных детских игр. С одной стороны он был ограничен забором, с другой стороны – домом. От улицы его отделяли калитка и широкие ворота, на противоположной стороне двора находились бревна, сложенные у стены сараев. Когда-то прежние хозяева планировали что-то

во дворе строить, потом передумали и вместе с домом продали их новым хозяевам. Бревна так и остались лежать невостребованными и превратились в естественное и любимое место сбора компании Арона. Сюда ребята приходили в поисках друг друга, здесь играли в карты и шашки, обсуждали свои проблемы и строили планы на ближайшие дни. Вечерами сюда собирались, чтобы покурить, посмотреть на звезды и порассуждать о проблемах мироздания. Во дворе проводились и основные игры. Ко двору примыкал большой огород с редко посаженными фруктовыми деревьями, и большой сарай, принадлежащий, как и дом, нескольким семьям.

Половину дома занимала семья Кейлиных. Глава семьи Абрам Кейлин был человеком незаурядным и увлекающимся. Он родился в Вильно в религиозной семье. От отца он перенял уважение к Книге и был большим знатоком Торы. Кроме еврейского языка он владел древнееврейским, литовским, польским и русским языками. Так как его отец был кузнецом, он научился кузнечному ремеслу и был отменным механиком. Кроме того, у него был хороший голос и прекрасный слух. Его сокровенной мечтой было стать кантором. Однако, он рано женился. У него родился сын, а затем и дочь, и нужно было кормить семью. Кроме того, он не ладил с местным раввином. Когда же он уличил раввина в невежестве и излишне вольном обращении с финансовыми средствами общины, разразился большой скандал, и ему пришлось покинуть Вильно. Он перебрался с семьей в Лодзь и поселился на Жидовской улице в большом доме, принадлежавшем теще и ее сестре Брохе, купивших этот дом незадолго перед этим.

Абрам устроился механиком на текстильной фабрике. Сначала все шло хорошо. Хозяева его ценили и неплохо оплачивали его работу. Однако, на фабрике он познакомился с социалистическими идеями. Они попали на хорошо подготовленную почву. Призывы к справедливости, равенству, свободе и всеобщему братству не противоречили его религиозным взглядам. Он пришел к выводу, что только революция сможет обеспечить евреям их национальные и религиозные свободы. Поэтому, со всей страстностью своей увлекающейся души он отдался политической деятельности в коммунистической ячейке своей фабрики. Его неоднократно арестовывали. Два года он провел в тюрьме. За это время состояние его семьи пришло в упадок. Теща умерла. Пришлось продать половину дома. Но средств все равно не хватало. Жена, некрасивая и болезненная женщина, совершенно растерялась. Обычно она была целиком поглощена заботами о младшей дочери, а также выяснениями вопроса, почему именно ей в жизни так не повезло. И делала это она достаточно часто и утомительно для окружающих.

Чтобы как-то помочь семье, Арон со своей сестрой стали петь на улицах. Они отправлялись в богатые кварталы Лодзи и пели польские или еврейские песни в зависимости от национальной принадлежности слушателей. Дети унаследовали от отца хороший слух и отцовский песенный репертуар. Вид детей вызывал к ним большое сочувствие. Их тонкие слабые голоса и их внешность совершенно не гармонировали с содержанием исполняемых ими песен. Бледные, бедно одетые, они были похожи на двух испуганных взъерошенных птенцов, выпавших из родительского гнезда. Поэтому их пение вызывало совершенно неожиданную реакцию публики. Гвоздём их программы для польской аудитории была песня про Гальку. Гораздо позднее, когда Арон стал заниматься скрипкой, он узнал у своего учителя, что это была ария из оперы польского композитора Монюшко «Галька».

Когда они, сверкая глазами, пели почему-то дуэтом своими тоненькими голосами:

-Вырастая беззаботно, думал ль погубить себя?

Я б пошёл на бой охотно, Галька, за тебя!

публику охватывал приступ смеха. Дальнейшее пение шло под непрерывные аплодисменты слушателей.

Сначала неожиданный смех вызывал у детей чувство растерянности. Но потом они смекнули, что это можно использовать с выгодой для себя. Поэтому именно «Галькой» они стали завершать своё выступление, причём с неизменным успехом.

У еврейской публики их пение вызывало совершенно иную реакцию. Обычно они начинали свой концерт исполнением «Фрейлахс», а заканчивали «Свадебной застольной». Слова «...Немен абиселе вайн» они пели с таким душевным надрывом, как будто в этой песне они просили не немножко вина, а кусочек хлеба.

После этого сердобольные слушатели вытирали слёзы и щедро кидали в шапку монеты. В итоге им удавалось зарабатывать деньги, ставшими большим подспорьем для семьи, позволившим ей продержаться до выхода отца на свободу.

После отбытия срока наказания отец вернулся к работе на фабрике, хозяева которой тут же восстановили его на прежнем месте, так как не хотели терять хорошего работника.

Вернулся он и к своей политической деятельности. Иногда, правда, очень редко он вспоминал, что у него есть дети. Тогда он играл с ними, беседовал на разные темы. Частенько в этих беседах участвовали друзья Арона.

Абрам Кейлин был великолепным рассказчиком. Он много знал и отличался своим особым видением привычных вещей. Он вовлекал собеседников в спор и методично подводил их к пониманию его правоты. Особенно полезны были его беседы по истории еврейского народа. Для мальчиков это была прекрасная школа. Арон в такие дни обожал отца и гордился им. К сожалению, случались такие дни не слишком часто.

Арон с раннего возраста почувствовал непреодолимую тягу к музыке. Отец уступил его просьбам и отдал его заниматься на скрипке к старому скрипачу Соломону Копелевичу. Тот сразу обнаружил у мальчика незаурядные способности и всячески его выделял среди других своих учеников. Он помог отцу Арона недорого приобрести неплохую скрипку. Добрый старик светлел лицом, когда видел Арона, и готов был заниматься с ним без усталости. Для Арона уроки у старика тоже были праздниками. А вот для домашних его занятия были скорее кошмарами, особенно на первых порах. Когда он начинал свои экзерсисы, мать кричала, что у неё раскалывается голова, тётя Броха взывала к Богу, а соседи выскакивали во двор и кричали, что они этого не выдержат. Поэтому, когда позволяла погода, Арон шёл в сарай, где у него была благодарная слушательница.

Надо сказать, что вторую половину дома занимала семья энергичного торговца по фамилии Бронштейн. Раньше он жил в Белостоке. Там он женился на женщине с ребёнком, притом, нееврейке. Из-за этого он рассорился с родственниками и переехал в Лодзь.

Жили они с женой неплохо, у них родился и рос сын Марик. Старшая дочь жены от первого брака оставалась в Белостоке у бабушки. Внезапно Бронштейн умер, и к его вдове переехала вся её многочисленная родня: дочь, мать, сестра, брат и бабушка.

Незамужняя сестра быстро освоилась на новом месте и стала приводить в гости солдат, устраивая шумные попойки. В них принимали участие все взрослые члены семьи, кроме бабушки. Разгульное поведение её внучек ей очень не нравилось. Начались скандалы, и бабушку её дочь и внуки переселили в сарай. Бабушка, она же прабабушка Марика, жила там круглый год, обогреваясь железной печкой - «буржуйкой». Она была всегда голодна, поскольку её обычно забывали покормить. Глядя на взрослых, очень плохо к ней относились и дети. Её правнук Марик постоянно дразнил её вместе со своими друзьями.

Однако нашёлся человек, который её жалел и по возможности ей помогал. Это был Арон. Он подкармливал её, и они могли разговаривать на самые разные темы часами. А порой он ей играл на скрипке, и она с удовольствием слушала.

Постепенно игра Арона совершенствовалась и начала доставлять удовольствие слушателям. К четырнадцати годам его стали приглашать на всевозможные торжества и плотить немалые деньги, из-за чего отношение к нему в семье сильно изменилось. Ему теперь многое прощалось, а мать стала перед ним даже немного заискивать.

Лучшим другом Арона был Рувим, который понимал его, как никто другой, и к тому же, любил слушать его музыку. Арон только с ним делился своими самыми сокровенными мечтами, в которых он становился знаменитым музыкантом, выступал с концертами в Варшаве, Париже, Нью-Йорке. При этом, Рувиму отводилась почётная роль импрессарио. Рувим ухмылялся, но не возражал.

Кумиром Арона был великий итальянский скрипач и композитор Никколо Паганини. Арон мог часами рассказывать Рувиму, своим приятелям и всем, кто соглашался его слушать, про удивительный талант этого человека, необычайно длинный смычок, огромные уши и умение виртуозно ругаться и разговаривать с помощью скрипки. И Арон старался во всём подражать Паганини. Особенно ему хотелось научиться так же ловко ругаться с помощью скрипки. Но, если с ушами у Арона было всё в порядке - уши у него были тоже не малые, то с ругательствами ничего не получалось. Рувим его утешал, заверяя, что ругаться старым способом тоже приятно. Однажды Арон так его допёк этими неудачными попытками, что Рувим ему сказал в сердцах:

-Да угомонись ты, наконец, Паганини поганный!

Это так всем понравилось, что кличка «Паганини» приклеилась к Арону окончательно. А он против этого особенно и не возражал и охотно на неё откликался.

Надо сказать, что все ребята на улице рано или поздно получали свою кличку. Так соседа Арона, десятилетнего Марика, звали Мазей, его приятеля - Плешью из-за проплешины на голове, образовавшейся после перенесенного им стригущего лишая. Губастого Лешика звали Губариком, а толстого Янкеля так и звали - Толстым.

Если не считать музыкальных увлечений Арона Паганини, то во всём остальном он оставался обычным мальчиком и ни в чём не хотел уступать своим товарищам. Его ближайшими друзьями были Рувим, Монька, Юзик, Янкель и Лешик. Это были мальчики 14-16 лет, которые отличались друг от друга и внешне, и внутренне, но при этом они дополняли друг друга и не могли друг без друга обходиться. Летом они вообще всё свободное от домашних дел время проводили вместе - играли, ссорились, дрались, мирились, совершали набеги на соседние сады, защищали друг друга в конфликтах с другими мальчишками. К этой компании примыкали Мазя с Плешью. Кроме того, что Мазя жил в том же дворе, он необычайно сильно играл в шашки. Хотя он был значительно младше остальных, он легко обыгрывал всех подряд. Он мог играть спиной к доске и даже одновременно на нескольких досках. Монька после каждого очередного проигрыша поколачивал его, но это не помогало - в следующей партии он опять проигрывал. Во всём остальном Мазя был послушным исполнителем указаний старших товарищей.

Во дворе постоянно проводились какие-то игры, в каждой из которых были свои лидеры. В «тюшку» лучше всех играл Юзик, Янкель обычно побеждал в игре монетами «об стенку». Рувим мастерски играл «в ножики». Монька не имел себе равных во всех спортивных играх, которые проходили во дворе и на проезжей части улицы. Одним словом, дети жили своей, отличной от взрослой, интересной жизнью.

Но однажды произошёл случай, нарушивший привычную жизнь Арона и его друзей, и имевший в дальнейшем серьёзные последствия.

В конце июля неожиданно для всех вернулся младший Мазин дядя - Стас Шиккульски. Обычно он редко бывал дома, приходил на один-два дня и опять исчезал надолго. О нём ходили всевозможные слухи. Поговаривали, что он связался с бандитами и что он участвовал в нескольких ограблениях. Его боялись племянники и соседи, его боялась вся улица.

Стас пришёл поздно вечером, когда в его квартире гремело застолье по случаю визита очередного поклонника Мaziной тётки Ванды - молодого усатого хорунжего. Его громкий голос и смех разносились по всему дому и были слышны во дворе. Арон видел, как Стас, не заходя домой, полез по приставной лестнице на чердак дома. В руке у него был какой-то свёрток. Через некоторое время он спустился вниз, но уже без свёртка, и присоединился к пирующим. А те встретили его громкими приветствиями.

Приход Стаса придал новый импульс веселью. Шум усилился, зазвучали громкие песни. Семья Кейлиных долго не могла заснуть, но роптать никто не решался. Арон тоже всю ночь не спал. Его одолевало любопытство - так что же делал Стас на чердаке и что за свёрток он там оставил?

Утром Арон услышал шум шагов и бросился к окну. Он увидел, что Стас, зябко поёживаясь, уходит со двора. Выждав немного, Арон залез на чердак и стал его внимательно осматривать. Чердак был завален всяким хламом, который был никому не нужен, но хранился на всякий случай. После продолжительных поисков Арон увидел в дальнем углу чердака за стропилой свёрток. Он развернул его и ахнул. Там был многозарядный револьвер с круглым барабаном, в котором желтели патроны. Задыхаясь от восторга и страха, Арон спустился со своей находкой во двор и спрятал свёрток в сарае под дровами. Его распирало от желания тут же побежать к Рувиму, чтобы поделиться с ним необычайной новостью и посоветоваться, что делать дальше. Но в это время его позвала мать, и пришлось подчиниться. Арон смог освободиться только через час. Как раз в это время появился Юзик, надеявшийся поживиться окурками, которых всегда много валялось во дворе после гулянок. Арон тут же потащил его к сараю и достал свой свёрток. Когда он театральным жестом развернул тряпку, восторгу Юзика не было границ. Он тут же определил, что это револьвер типа «наган» и начал перечислять его боевые характеристики. Потом они, перебивая друг друга, стали обсуждать, где лучше опробовать револьвер в деле. Они пришли к выводу, что лучше всего это сделать на пустыре за городом. Но, увы, осуществить это замечательное мероприятие им не удалось. Неожиданно у них за спиной вырос хорунжий. Он после ночи, проведенной у Ванды, вышел в сортир и стал невольным свидетелем темпераментного разговора ребят. Те были так увлечены своими планами, что не слышали, как он к ним подкрался. Хорунжий сгрёб револьвер вместе с тряпкой. Ребята несколько мгновений не могли пошевелиться, а затем, придя в себя, бросились бежать. Хорунжий догонять их не стал, а ухмыльнувшись, завернул револьвер в тряпку и положил его в карман. Афишировать это событие также не входило в его планы.

Когда остальные ребята узнали о происшествии, их горю не было предела. Монька, наградив виновников дежурными пинками и подзатыльниками, заявил, что эти болваны загубят любое дело. Вот он бы точно не растерялся. Тут и все остальные начали рассказывать о своих предполагаемых действиях. Один лишь рассудительный Рувим сказал, что может быть всё получилось к лучшему. Приятели на этом успокоились. Но для Арона наступили страшные дни и ночи. Он с ужасом думал о том моменте, когда вернётся Стас и не найдёт на месте свой револьвер. Арон не спал, не ел, вздрагивал при каждом стуке калитки.

Его муки кончились только дней через десять - двенадцать, когда стало известно, что Стас арестован и находится в тюрьме в ожидании суда. Стаса приговорили к нескольким годам заключения за разбой, и Арон окончательно успокоился. Впереди было много времени, и Арон не сомневался, что за это время он сумеет стать знаменитым музыкантом и уедет из Лодзи.

ЧАРДАШ

Был среди взрослых человек, с которым Арона и Рувима связывали особые отношения. Это был муж Рувимовой тётки Ференц Экели, или дядя Франц, как его называл Рувим. Выходец из Венгрии, он был участником Первой Мировой войны, воевал в составе австро-венгерской армии на Русском фронте, был ранен и попал в плен. Прожив в России свыше двух лет, после Революции отправился на Родину, но после долгих скитаний оказался в Лодзи. Здесь он встретил весёлую хохотушку красавицу Фруму, сестру Рувимова отца. Они сразу полюбили друг друга, поженились, и Ференц осел в Лодзи на долгие годы. Ференц был умелым механиком, хорошо знал автомобиль, работал на всех металлорежущих станках, и его охотно приняли на работу на текстильную фабрику механиком по ремонту текстильных машин. Он хорошо зарабатывал, и в доме был достаток. Фрума была великолепной хозяйкой. В их доме царили образцовая чистота и порядок. Однако, после нескольких выкидышей и неудачных родов Фрума лишилась возможности иметь ребёнка. При этом она сильно изменилась внешне и внутренне. С годами она подурнела, располнела, от прежней общительности не осталось и следа. Всю свою энергию и нерастратченную нежность направила она на своего мужа. Она готовила ему его любимые блюда, следила за тем, чтобы его одежда и бельё были всегда чистыми и целыми. Когда он приходил с работы домой, его всегда ждал горячий ужин с обязательным бокалом вина. Ференц садился за стол, и молчавшая целый день жена обрушивала на него поток скопившейся за день информации, а муж, добродушно усмехаясь, молча слушал её, кивая головой и иногда поддакивая. Когда это получалось слишком невпопад, Фрума останавливалась на полуслове и требовала, чтобы он повторил всё, что она только что говорила. Ференц отшучивался и продолжал, не торопясь, с наслаждением поглощать ужин. Они вообще были непохожи друг на друга. Ференц был высокий, жилистый, сильный мужчина с большими рабочими руками, молчаливый и сдержанный. Когда-то тёмные волосы его поседели и стали какого-то неопределённого цвета. Висячие усы из-за курения трубки местами отливали желтизной. Серые глаза смотрели на собеседника спокойно и доброжелательно, и только в состоянии гнева приобретали стальной оттенок. Обычно он предпочитал слушать собеседника, молча попыхивая трубкой. У него было несколько увлечений. В свободное от работы время он любил вырезать по дереву. У него был великолепный набор инструментов, и он вырезал чертей, вычурные шахматные фигурки и вообще самые неожиданные вещи, которые ему подсказывали поделочный материал и его собственная фантазия. А материал этот ему поставляли Рувим и его друзья, собиравшие корни и обрезки дерева по всему городу и его окрестностям. Все знали, что куски спиленной груши следует неизменно доставлять дяде Францу. Тот в свою очередь щедро одаривал ребят готовой продукцией. Поэтому перебоев в сырье у него не бывало.

Рувим любил приходиться к дяде Францу вечерами и смотреть, как он работает. А тот, как бы невзначай, подсовывал и ему какую-нибудь чурочку, и они молча сидели, сосредоточенно занимаясь каждый своей работой.

Так же незаметно Ференц научил Рувима играть в шахматы, и они порой сражались до поздней ночи.

Однажды Рувим пришёл к Ференцу в крайне возбуждённом состоянии. Ференц, попыхивая трубкой, вырезал очередную фигурку. Он предложил Рувиму принять участие в работе. Однако у Рувима на этот раз работа не ладилась.

-Да что с тобой сегодня?- спросил Ференц.

-Нам ребе рассказал про резню, которую учинили казаки Хмельницкого, и про еврейские погромы в Российской империи. Скажи, дядя Франц, за что нас так ненавидят, и почему Бог позволяет творить такие безобразия?

-Видишь ли, ваш народ vsвоей массе всегда стремился сохранять свою самобытность - свою религию и обычаи. Поэтому евреи оставались для других народов чужаками. А чужаков везде не любят, особенно, если они удачливые и опасные конкуренты. Теперь о Боге. Действительно, существуют законы природы и законы общественного развития, независимые от воли отдельных людей. Многие люди уверены, что эти законы установлены Богом. Эти законы накладывают определённые ограничения, но конкретные действия людей в рамках этих ограничений не регламентируют. Чтобы тебе было понятней, возьмём для сравнения игру в футбол. Твоя команда в пределах правил игры может выбрать любую тактику, а ты можешь бегать по полю хоть вдоль, хоть поперёк. А результаты игры зависят от твоей команды и команды противника, и спортивная удача тоже. Чтобы победить. Нужно играть лучше противника. Вот так и в жизни. Всюду есть негодяи, которые будут стремиться грабить и убивать других. Но народы не должны им этого позволять. Каждый народ должен уметь постоять за себя. Никто за него этого не сделает. Как говориться, на Бога надейся, да сам не плошай. Вашему народу нужно, наконец, это осознать. На мой взгляд пришла пора создавать своё государство и сильную современную армию, которая могла бы защищать свой народ

-Я не понимаю, как это можно сделать?- ответил Рувим.

-Вырастешь, поймёшь!

-Дядя Франц, неужели вы совсем не верите в Бога? Как можно жить без веры?

-Как тебе сказать? Я крещенный человек. Но за свою жизнь я чего только не насмотрелся. Знаешь, у меня в молодости был друг - студент Габор Ракоши. Светлой души человек. Он сочинял интересные стихи. Послушай его четверостишие:

- Я, конечно, ратую за веру,
Если это вера в добрые дела.
Но при этом, верить нужно в меру,
Чтобы вера нас не подвела. Вот так-то, брат.

На этом беседа и кончилась. Растерянный Рувим распрощался и пошёл домой. Он долго не мог заснуть, стараясь разобраться в услышанном.

Надо отметить, что Ференц был очень музыкален, прекрасно играл на губной гармошке, которую он умудрился сохранить во время войны и многолетних скитаний. Он обладал красивым сильным баритоном, и после хорошего застолья любил петь венгерские песни и арии из классических оперетт. Любовь к музыке сблизила его с Ароном. Как-то Рувим обмолвился, что у него товарищ хорошо играет на скрипке. Ференц попросил привести его к нему в гости. Арон пришёл со своей скрипкой и играл целый вечер. Ференц молча слушал, одобрительно кивая головой и отстукивая такт ногой.

С тех пор Арон стал частым гостем в доме у Ференца. Ференц и его жена привязались к нему, как к родному сыну. Когда он входил в дом, Фрума встречала его громкими

приветствиями и тут же принималась его кормить, а Ференц молча улыбался, но глаза его сияли радостью. Арон отвечал им взаимностью. Он нашёл здесь то тепло, которого ему так не доставало в его семье. Мать была слишком занята своими болезнями, а отец - классовой борьбой, чтобы серьёзно обращать внимание на старшего сына.

С помощью Ференца Арон научился играть его любимые венгерские песни. И постепенно, не без помощи учителя музыки, освоил весь обширный репертуар Ференца, включая классические мелодии и арии из оперетт. Теперь вечерами в доме Ференца устраивались настоящие концерты. Исполнителями были Ференц и Арон, а благодарными слушателями – Фрума и Рувим. Иногда «на огонёк» заходили родители и сёстры Рувима, а также вездесущий Монька или Юзик. Обычно основную партию вёл Арон, а Ференц подыгрывал ему на губной гармошке. Потом Ференц входил в раж и начинал петь. Получалось, как на профессиональной сцене.

Но настоящее действие случалось на праздники, когда в доме собирались гости. Естественно, Арон был обязательным участником этих мероприятий.

Какое-то время гости во главе с хозяином стола насыщались и достигали необходимых кондиций, после чего Ференц давал команду, и Арон доставал свою скрипку. А дальше всё происходило по устоявшейся схеме. Сначала исполнялась классика: «Венгерская рапсодия» Листа, «Чардаш» Монти и «Венгерский танец» Брамса. Ференц при этом дирижировал рукой и победоносно поглядывал на присутствующих. Потом следовали венгерские песни, которые исполнялись уже дуэтом - на скрипке и губной гармошке.

Затраченные силы требовали восстановления. Поэтому объявлялся перерыв для второго тура застолья и подготовки слушателей к основной части концерта. Раскрасневшийся, с бокалом в руке Ференц выходил на середину комнаты, где его уже ждал Арон со скрипкой. Глубоким грудным голосом Ференц исполнял арию Тассило из оперетты Кальмана «Марица». Когда звучали финальные слова арии:

-Гей, цыган, гей, цыган. Громче играй!

Песне ты огонь весь отдай!

он срывался с места и пускался в пляс, выделывая специфические «Па» и щёлкая каблукми. Затем они исполняли и другие арии из оперетт Кальмана, Легара, Штрауса. Ференц пел их на немецком языке, но присутствующие в большей или в меньшей степени понимали смысл исполняемых произведений, тем более, что это происходило не в первый раз.

Все с нетерпением ждали наиболее волнующей части концерта, когда на сцену выплывала Фрума. Звучал дуэт Тассило и Марицы. У Фрумы был небольшой, но приятный голосок, и дуэт производил впечатление. Когда Ференц пел:

-Мой верный друг, сегодня ясный день.

Ты голубое платьице одень,

он называл именно тот цвет платья, в котором Фрума была в этот момент. Когда же звучали слова:

- Она спешит, смеясь издалека.

В его руке дрожит её рука,

Фрума протягивала Ференцу руки и счастливо смеялась. А завершающая часть дуэта звучала так искренне и проникновенно, что слушатели начинали чувствовать свою сопричастность с происходящим. Взрослые вспоминали свою юность, свои чувства, и молодели душой. Даже мальчишки, ещё толком не познавшие любви, вдруг чувствовали какую-то неясную тревогу, какое-то томление, желание кого-то защитить.

Кульминация наступала, когда Ференц обнимал жену и пел:

-Кто придумал вас нам на мученье и на радость?
Кто придумал вас, ужимки ваши, вашу слабость?
Если вас придумал Бог, то ему сам Чёрт помог.
Но, кто б ни был он, придумал вас
Он в добрый час!

Фрума преображалась. Она вся светилась, лукаво сверкая глазами, распрямлялась, даже становилась как бы выше ростом и превращалась на короткое время в прежнюю молодую красавицу Фруму, которую когда-то встретил и полюбил Ференц. Присутствующие встречали это превращение взрывом аплодисментов, и застолье возобновлялось.

Заканчивалось оно обычно на грустной ноте. У Ференца начинался приступ ностальгии, который требовал своего музыкального выражения. Арон уже был готов к этому. Опять звучала музыка Кальмана, в которой Ференц изливал в ней всю свою тоску по оставленной Родине:

-Всё, что на сердце легло,
Злое время унесло.
Не осталось ничего.
Был скрипач Пале Рач,
И нет его.

После этого у Ференца начинали литься слёзы из глаз, и это было сигналом, что пора расходиться.

Гости шли домой, восхищаясь талантом исполнителей и всякий раз удивляясь замечательному преображению Фрумы. А Ференц и Фрума ещё долго молча оставались сидеть за столом, глядя друг на друга влюблёнными глазами, и улыбались. Потом Ференц шёл спать, а Фрума принималась наводить порядок, вздыхая и улыбаясь сквозь слёзы.

Утром начиналась обычная жизнь, но в следующий праздник всё повторялось вновь.

Однажды в начале лета, задолго до истории с револьвером, Рувим, Арон и вся их компания сидели на брёвках у Арона во дворе и обсуждали вопросы мироздания. Вдруг в доме Шиккульских раздались громкие крики, ругань, и во двор выскочил Стас.

Этот бандит, державший в страхе целый район, боялся и ненавидел своих сестёр. Он был по обыкновению пьян и поэтому агрессивен. Прокричав всё, что он думал о своей родне, он помочился на собственное крыльцо. Потом повернувшись, он увидел ребят, сидевших на брёвках. Это привело его в дикую ярость, и он с проклятиями бросился на них. Мальчишки, готовые ко всему, мгновенно ринулись к калитке, где произошла некоторая заминка. Благодаря ей Стасу удалось схватить бежавшего последним Арона, когда он уже выскочил на улицу. Стас сбил его с ног и размахнулся, чтобы ударить кулаком по голове. В это время рядом оказался возвращавшийся с работы Ференц. Он успел перехватить руку Стаса и отшвырнуть его в сторону. Стас зарычал и выхватил из кармана нож с подпружиненным лезвием, открывающимся при нажатии кнопки. Выкрикивая ругательства, он ринулся на Ференца, размахивая ножом. Тот хладнокровно поймал его вооруженную руку своей левой рукой, а правой нанёс мощный удар Стасу в челюсть.

Стас обмяк, выронил нож и медленно опустился на землю. Ференц поднял нож и перебросил его через забор на соседний огород. Потом, наклонившись к сидевшему на земле Стасу, процедил сквозь зубы:

-Если ещё раз кого-нибудь из них тронешь, голову оторву!

Потом погладил Арона по голове и невозмутимо пошёл домой. Стас с трудом встал и, шатаясь, пошёл восвояси. Мальчишки долго ещё с восторгом обсуждали происшествие,

демонстрируя друг другу действия обоих участников столкновения. А Стас с тех пор старался обходить Арона и его приятелей стороной. До поры, до времени...

МОНЬКА

Монька был признанным вожаком всех мальчишек с Жидовской улицы. Он лучше всех бегал, играл в спортивные игры, не церемонясь, раздавал направо и налево пинки и подзатыльники. Всем, кроме Леха-Лешика. Этот медлительный, добродушный парень обладал огромной физической силой, но всегда безропотно выполнял все Монькины указания и ходил за ним, как преданный пёс. В голове Моньки постоянно рождались какие-то замечательные идеи, которыми он умел заражать своих приятелей, и привлекать их к выполнению самых отчаянных дел, которые он называл «Акциями». За рыжий цвет волос, веснушки на хитром лице и незаурядный организаторский талант он получил кличку «Рыжий капитан».

Монька жил в большом доме, часть которого была занята аптекой. Родители его отца родились в Германии, жили в Силезии и переехали в Лодзь в начале века. Их ностальгические воспоминания о родине переросли в преклонение перед всем немецким- культурой, наукой, образом жизни. Поэтому своего единственного сына Фридриха они отправили учиться в Германию. Любознательный и толковый юноша преуспевал и подавал большие надежды. Однако, отец внезапно умер, и сыну пришлось срочно возвратиться в Лодзь. Здесь он вскоре женился, открыл аптеку и осел.

Дела у молодой семьи пошли успешно. Помимо традиционных лекарств и сопутствующих товаров, аптека предлагала большой набор оригинальных гомеопатических средств - отваров, настоев, мазей, изготавливаемых самим хозяином. Многие из них были разработаны в этой аптеке и больше нигде их нельзя было купить. Фридрих вёл активную переписку с коллегами из различных районов Польши, Германии и Австрии, обменивался с ними рецептами и сырьём. На почве интереса к гомеопатии он подружился с Ференцем Экели. Большая фигурка чёрта, подаренная Ференцем, занимала в его кабинете почётное место.

Помимо своих непосредственных обязанностей, он также оказывал своим пациентам некоторую медицинскую помощь. Он ставил им пиявки, банки, делал уколы, вскрывал фурункулы. Основным помощником в этой работе была его жена. Обычно она целый день проводила в аптеке, обслуживала клиентов, закупала лекарства и товары, регулировала финансовую деятельность. В итоге семья жила весьма зажиточно, естественно, по меркам Жидовской улицы. Главу семьи это вполне устраивало, чего нельзя было сказать о его жене. Она считала, что семья губит себя в провинции по вине ленивого неудачника - мужа. Поэтому она старалась всячески побудить его к более активной деятельности. Она устраивала ему встречи с влиятельными чиновниками, удачливыми коллегами, водила в гости к «нужным», по её мнению, людям. Естественно, ей приходилось принимать ответные визиты у себя дома. Чтобы не ударить в грязь лицом, она оборудовала квартиру так, как это было принято у её богатых друзей. Гостиная была украшена картинами и дорогими бронзовыми статуэтками работы больших мастеров. Монька клялся, что это были работы Родена, Лансере и Антокольского. Но больше всего Рувиму нравился огромный натюрморт под названием «Утренний чай», выполненный в натуральную величину. Бывая у Моньки, Рувим не мог оторвать глаз от скатерти на столе, накрахмаленной скатерти, изображённой на картине с таким мастерством, что хотелось потрогать её рукой и разглядить образовавшуюся на ней складку.

Но все эти визиты только тяготили Фридриха. И хоть жена ежедневно вела с ним разъяснительные беседы, всё было напрасно. Муж не поддавался ни на какие ухищрения. Он с удовольствием занимался своей работой, возился в своём большом саду, насадил много кустов малины, крыжовника, смородины, экспериментировал с яблонями. Осенью в подсобных помещениях дома появлялись большие бутылки, в которых приготавливались наливки и настойки. Несколько раз в году он выбирался на охоту в компании с жившим неподалёку Кайзербрехтом. С этой целью он держал в доме собаку-спаниеля, которого Монька назвал Плюшкой. На отдыхе Фридрих с удовольствием занимался жуками и бабочками, коллекциями которых были увешаны все стены дома.

Но главной страстью Фридриха было создание новых составов. Здесь существовали неограниченные возможности для творчества. В этой области знаний процесс работы является сочетанием науки и искусства. Ведь результат зависит не только от правильного выбора составляющих компонентов, и установления их соотношений. Большую роль здесь играют температура, давление и даже порядок ввода компонентов. А в ряде случаев требуется присутствие специальных элементов - катализаторов. Здесь помимо научных знаний требуется ещё опыт и интуиция, а также Её Величество Удача.

Значительную часть свободного от работы времени Фридрих посвящал этим исследованиям. Он получал ни с чем не сравнимое наслаждение, когда он нащупывал верный след, и шёл по нему к цели, как хорошая охотничья собака за зверем. И когда он, наконец, получал искомый результат, то испытывал счастье и восторг. Но, чтобы добиться этого счастья, требовался долгий и упорный труд, перелопачивание огромного количества научных источников, бессонные ночи, головные боли. Бывали и минуты полного отчаяния. Но всё это искупалось огромной радостью, которая приходила с удачей.

Это был мир Фридриха, и он никого не хотел в него пускать - ни жену, ни сына. И если кто-то пытался вторгнуться в этот мир, мешал ему работать, то наталкивался на раздражение и решительный протест.

Зато, после очередного затяжного штурма он позволял себе немного расслабиться. Принимался, не торопясь, оформлять полученные результаты, готовил сообщение в научные журналы. Он мог позволить себе пообщаться с семьёй, позаниматься с сыном и даже побеседовать с его друзьями. Особенно он выделял Юзика. Ему импонировали его любознательность и неожиданные нестандартные суждения.

В остальное время заниматься воспитанием сына Фридрих не считал нужным. Он полагал, что его нельзя баловать, но в то же время нельзя подавлять мелочной опекой. Фридрих считал, что сын сам должен выбрать свой путь в жизни.

Не находя поддержки у мужа, жена перенесла свои честолюбивые помыслы на сына Моньку. Она постоянно внушала ему, что он рождён для великих свершений, и старалась, чтобы он общался только с ребятами из богатых и влиятельных семей.

Однако, сын также не оправдывал её надежд. У него была другая, своя компания, а своё будущее он связывал с морем. Он мечтал стать судовым врачом и совершать кругосветные путешествия без отрыва от работы. К сожалению, мать всё же преуспела в одном – она выработала у сына непомерное честолюбие и жажду острых ощущений.

Не мог Монька похвалиться и академическими успехами. Он органически не переносил любые точные науки. Не помогала и помощь репетиторов - когда человек чего-либо не хочет, то научить его просто невозможно. Монька предпочитал обращаться за помощью к Янкелю и Юзику, которые делали за него уроки безвозмездно. Зато во всём, что касалось естественных наук, Монька был вне конкуренции.

Домашним хозяйством мать не занималась. Его вела бабушка Берта, мать хозяина. Она обожала внука и всячески старалась ему угодить. И Монька этим пользовался. Играя на противоречиях во взглядах родителей на его воспитание, он делал всё, что хотел. Он мог в любое время суток заказать любимое блюдо, и бабушка послушно его готовила. Больше всего он любил клюквенный мус и гоголь-моголь на несколько яиц. И получал их при первой же просьбе, несмотря на возмущение родителей.

В доме жил ещё один человек. Это была девочка Ханна, сирота, которая помогала матери в аптеке и бабушке по хозяйству. Она стирала, мыла полы, убирала в комнатах. Ночевала она в маленькой коморке, смежной с комнатой бабушки.

Ханне было лет 15-16, и она была уже вполне сформировавшейся девушкой. Платья Монькиной матери, которые она донашивала, трещали на её теле. Монька давно положил на неё глаз и при каждом удобном случае старался её потискать. Похоже было, что и Ханна против этого не возражала. Однажды, воспользовавшись тем, что родители ушли в гости, а бабушка дремала в своей комнате, Монька проник в комнатку Ханны. К сожалению, бабушка спала не слишком крепко. Услышав возню в соседней комнате, она принялась стучать палкой в стенку. Моньке пришлось срочно ретироваться, не солоно хлебавши.

Возмущённая бабушка доложила о случившемся Монькиной матери, и девушку убрали из дома от греха подальше. Монька потом со смехом рассказывал Юзику о своей неудаче.

Монькины приятели частенько бывали у него дома, но только Рувиму и Юзику удавалось попасть в святая святых - кабинет отца. Этот кабинет производил неизгладимое впечатление. На большом письменном столе стоял микроскоп с предметными стёклами под объективом. И лежали стопки бумаг-заготовки статей о новейших разработках хозяина кабинета в области фармакологии. Над столом на стене висела большая картина, изображающая сцену охоты на уток. Рядом с картиной располагались портреты Левенгука, Пастера и Коха. В молодости Фридрих мечтал о научной карьере и увлекался микробиологией. На противоположной стене висела медвежья шкура с огромными когтями на лапах и богато инкрустированное охотничье ружьё. Над ними были закреплены олени рога. Вдоль остальных стен стояли застеклённые шкафы, заполненные приборами, химической посудой и книгами, преимущественно по фармакологии и медицине.

Монька любил демонстрировать друзьям книги по анатомии человека с яркими красочными картинками, переложенными папиросной бумагой. Однажды он достал из стола отца тщательно оберегаемый им альбом репродукций под названием «Женщины глазами великих художников». В нём были представлены работы Леонардо да Винчи, Рафаэля, Гойи, Рембрандта и Рубенса. Моньке больше всего нравилась обнажённая натура, особенно упитанные дамы с картин Рубенса. Юзик остановился на Данае и тут же разъяснил содержание картины. Рувима почему-то заинтриговали «Махи» Гойи. И все дружно признали, что в альбоме действительно есть, что посмотреть. Не даром Монькин отец его так бережёт.

Предметом особой гордости Моньки были его достижения в области дрессировки Плюшки. Он приучил её стоять на задних лапах в ожидании кусочка сахара и прыгать через обруч. По команде:

-Плюшка, скажи «Мяу!»- Плюшка издавала звуки, похожие на мяуканье кота.

-Плюшка, умри!- и Плюшка вытягивалась на полу, задрав лапы кверху.

После этого следовала команда:

-Плюшка, смотри, кот!- и Плюшка вскакивала на табуретку возле окна и принималась грозно рычать. Когда он говорил :

-Плюшка, тебя бабушка ищет,- Плюшка бежала на кухню к своей мисочке.

Но коронным номером Монькиной программы были упражнения с косточкой. Монька показывал Плюшке её любимую косточку. Но стоило ей только потянуться к этой косточке, как следовал оклик:

-Тубо! – и Плюшка тут же дисциплинированно отходила прочь. И только после команды: -Пиль! – она могла приступить к пиршеству.

Нечего говорить, что все продемонстрированные номера встречались зрителями дружными аплодисментами и восторженными криками.

Но самым любимым Монькиным развлечением была стрельба из рогатки. Он стрелял по пустым бутылкам, по воробьям, которые постоянно барахтались и прыгали на улице, по фонарям на столбах в разных концах города. За его проделки соседи часто жаловались на него отцу. Этот большой, толстый провизор молча выслушивал жалобы и кричал: «Моня!» Монька являлся с видом невинного агнца. Отец отпускал ему оплеуху. На этом разборательство обычно заканчивалось. Все расходились довольные друг другом - соседи, потому что жалоба не осталась без внимания, Монька – потому, что могло быть и хуже, отец – потому, что его оставили в покое.

Монькина слава лучшего стрелка в городе не давала покоя многим. Лидер ребят из состоятельных семей и постоянный Монькин конкурент Вилли Кайзербрехт буквально изнывал от зависти. Однажды он увидел рекламу пневматических ружей и загорелся желанием стать обладателем одного из них. Он даже резко улучшил свои академические показатели в гимназии, не устывая упрашивать отца купить ему это ружьё. Наконец старый Кайзербрехт не выдержал и выписал великолепное чешское ружьё. Когда Вилли появился на улице со сверкающим новеньким ружьём, Монька был полностью посрамлён. Все мальчишки толпились вокруг Вилли и, заискивая, старались дотронуться до замечательного оружия. Вилли важно повествовал об удивительных возможностях ружья, о большой прицельной дальности и пробивной способности зарядов. На Моньку больше никто не обращал внимания.

Потоптавшись на месте, он уныло побрёл домой. Остальные этого даже не заметили, продолжая с восхищением разглядывать ружьё.

Вилли с друзьями облюбовали для стрельбы место на пустыре у основания косогора. Там они установили на двух больших камнях широкую доску, на которой расставили бутылки, пустые металлические банки и картонные коробки. Стреляли по очереди с расстояния в двадцать шагов. Конечно, лучше всех стрелял Вилли. Ребята из Монькиной компании к этому священодействию допущены не были - богатые друзья Вилли их не жаловали. Поэтому они могли любоваться стрельбой только на расстоянии. Однако, они продолжали ежедневно приходить на пустырь, забыв про остальные игры.

Монька не мог этого выдержать. Уже несколько дней возле него не было привычной свиты. Даже преданный Лешик, который всегда ходил за ним молчаливой тенью, забыл про него. Надо было что-то срочно предпринять. И как всегда, выход нашёлся неожиданно.

Зайдя вечером «на огонёк» к Ференцу Экели, Монька поделился с ним своими горестями. Тот рассказал Моньке про игру, которой он научился в России. Эта игра называлась «Городки». Ференц объяснил ему правила игры и нарисовал основные фигуры. Монька сразу понял - вот оно, спасенье. В тот же вечер он побежал к Лешику и, как всегда, легко сумел увлечь его своим замыслом. Лешик утащил из отцовского сарая несколько шестов, и они сделали из них биты и чурки.

На следующий день во дворе у Паганини они расчертили квадраты и принялись с азартом выбивать «Бабушку в окошке», «Самолёт», «Пушку» и «Змею».

Известие о новой игре моментально облетело всю улицу. Заблудшие друзья явились с повинной и, заискивая, просили допустить и их к священодействию. Монька с притворной неохотой согласился. Он опять оказался в центре внимания и мог торжествовать. Про Вилли с его ружьём почти никто и не вспоминал. Даже его друзья, умерив гордыню, приходили познакомиться с новой игрой.

Вилли это очень не понравилось. После долгих размышлений он придумал хитроумный план. Он стал вечерами стрелять из ружья по освещённым окнам. Стельба велась издалека, поэтому стёкла оставались целыми, но щелчки по стеклу очень раздражали жильцов. Они выскакивали на улицу в поисках нарушителя спокойствия, горя жаждой мщения. Особенно доставалось тётке Арона Брохе. Она наиболее нервно реагировала на происходящее, а коварному Вилли это и требовалось. После каждого выстрела она распаивала окно и выкрикивала проклятия на Монькину голову. Как и подавляющее большинство пострадавших, она не сомневалась в том, что это Монькина работа - на такую гадость больше никто, по их мнению, не был способен. И жалобы на Моньку поступали к его отцу со всех сторон.

Но главная беда случилась в начале августа. Был душный вечер, и Броха возилась в комнате, открыв настежь окно. Вилли издалека не видел, что окно открыто, и выстрелил. Заряд попал в керосиновую лампу, стоящую на столе. Разбилось стекло лампы. Броха бросилась к столу и в панике опрокинула лампу на стол. Вспыхнула скатерть, а затем и занавеска на окне. К счастью, все были дома. Абрам и Арон, прибежавшие на крик Брохи, сумели быстро погасить огонь. Плача и причитая, Броха явилась в Монькин дом, держа в качестве вещественных доказательств обгоревшие скатерть и занавеску. Она потребовала раз и навсегда пресечь Монькины безобразия и компенсировать материальные и моральные издержки. Когда через час Монька явился домой, отец жестоко избил его, не обращая внимания на крики о полной невиновности.

А вскоре произошёл ещё один обидный инцидент. Вилли, не зная, как скоротать время, залез с ружьём на чердак своего дома и стал подыскивать подходящую цель для стрельбы. Возле дома было не очень многолюдно. Рядом проходили две женщины, а поотдаль - ещё несколько. Повидимому, они возвращались с рынка, так как руки у них были заняты корзинками со всякими продуктами. Вдруг на металлическую ограду села незнакомая птица с ярким оперением. Вилли онемел от восторга. Он вскинул ружьё и выстрелил, но промахнулся. Птица вспорхнула и улетела. Заряд, ударившись о металлическую опору, отлетел рикошетом в направлении подошедших женщин.

Он пролетел мимо шедшей чуть сзади тёти Брохи и сильно оцарапал щёку Циля, матери Янкеля. Женщина выронила корзинки и схватилась руками за щёку. Увидев кровь на руке, она сильно испугалась и начала громко кричать. Ещё громче закричала тётя Броха. Размахивая руками, она кричала подбежавшим женщинам, что это работа хулигана Моньки, который пытался отомстить именно ей, Брохе, но промахнулся и случайно попал в Цилю. И она, призвав всех быть свидетелями, потащила Цилю к провизору Маневичу. Обычно невозмутимый Маневич сильно удивился и стал уверять женщин, что этого не может быть, так как Монька только что возился в саду и, повидимому, и сейчас там. Но Броха так напористо и громко кричала, что он махнул рукой и позвал сына. Тот явился, действительно не понимая, о чём идёт речь. Не мудрствуя лукаво, отец отпустил Моньке дежурную оплеуху и оказал помощь Цилю. Циля ушла успокоенная и полностью удовлетворённая оказанной помощью. Зато Броха никак не могла успокоиться. Выйдя на улицу, она ещё долго проклинала Моньку, его отца и всю их родню.

Монька сидел на кровати, сжимая зубы и кулаки. Он быстро вычислил, чья это работа, и горел жаждой мести.

Назавтра, кружась вокруг дома Кайзербрехтов, он придумал, с чего следует начинать.

АКЦИЯ

Усадьба Кайзербрехтов давно вызывала зависть соседей и далеко не бескорыстное внимание всех окрестных мальчишек. Вызывали удивление и восхищение огромные клумбы разнообразных цветов, сверкающие парники, ровные строго выверенные прямоугольники грядок и гнущиеся под тяжестью плодов подпёртые шестами ветви яблонь, груш и сливы. Рвение мальчишек сдерживали высокий забор, злая собака и бдительность хозяев. Горящий мщением Монька решил совместить приятное с полезным. Он всё продумал и разложил в своей рыжей голове по полочкам.

Все знали, что герр Кайзербрехт отличался немецкой педантичностью. После нескольких дней наблюдений было установлено, что он начинает вечером обходить свои владения ровно в десять часов и всегда идёт по одному и тому же маршруту. Впереди обычно идёт фрау Эльза, костлявая сорокалетняя служанка, за ней - длиннорукий работник Ганс и замыкает группу сам герр Кайзербрехт, ведя на поводу свирепого рыжего пса. После обхода пса освобождали от привязи, и он всю ночь разгуливал по саду. В это время залезть безнаказанно в сад было невозможно. Но Монька обнаружил, что перед обходом собаку приводят к дому хозяина, и он собственноручно кормит своего любимца. Это важное наблюдение и было учтено Монькой при разработке плана операции. Акция была намечена на 9.30 вечера, когда собаки ещё не было в саду, и до начала обхода оставалось полчаса времени. При этом, на улице становилось уже довольно темно.

Между всеми участниками акции заранее были распределены обязанности. Лешик за день до акции оторвал доску в дальнем углу сада, оставив её висеть на одном гвозде. При этом, повреждение в заборе не бросалось в глаза, и можно было легко отодвинуть доску в нужное время. На такие штуки Лешик был большой мастер. Первоначально стоять на страже должен был Арон. В его обязанности входило следить за передвижением противника и вовремя свистом предупреждать об опасности. Но в последний момент его пригласили играть на свадьбе, и его пришлось заменить на Мазю. Монька, Юзик и Янкель должны были рвать фрукты, а Рувим был отправлен на грядки за морковкой, которая у Кайзербрехтов была необычайно вкусной. Грядки были расположены близко к дому, и эта часть операции была наиболее опасной. Поэтому её доверили самому рассудительному и осторожному участнику акции.

В назначенное время четвёрка друзей подошла к дыре в заборе. Повреждения никто из хозяев не заметил. Мазя занял своё место на крыше соседнего сарая, откуда весь сад был виден, как на ладони, и дал сигнал, что всё спокойно. Ребята бесшумно проникли в сад, и каждый занялся своим делом. Все действовали по намеченному плану бесшумно и аккуратно. В сгущавшихся сумерках никого из них не было видно на фоне деревьев. Вкусные плоды снимались с ветвей деревьев и укладывались за пазуху. Рубашки постепенно оттопыривались, затрудняя и замедляя работу. Больше всех преуспел толстый Янкель, который вскоре напоминал большой шар. Рувим сидел у грядки недалеко от дома хозяина и обстоятельно выдёргивал морковки, тут же очищая их от земли, прежде, чем положить за пазуху.

Внезапно раздался шум. Кто-то незнакомый лез через забор со стороны соседней улицы. Он тут же перебрался на соседнюю яблоню и принялся, не церемонясь, обрывать яблоки, порой с треском ломая ветки.

А дальше всё пошло с головокружительной быстротой. Хозяева, услышав шум, спустили собаку и бросились за ней вслед. Мазя, увидев хозяев, вместо того, чтоб подать сигнал тревоги, молча соскочил с крыши сарая и убежал домой прятаться.

Ребята поняли, что произошло, только тогда, когда собака, вцепившись в штанину виновника шума, стащила его с дерева на землю. Тот дико закричал от страха и боли. В тот же момент Ганс схватил Рувима и начал хлестать его по голым ногам пучком крапивы. Янкель, который был ближе всех к забору, ринулся к спасительной дыре и полез в неё, но застрял из-за большого количества яблок за пазухой. Растерявшись, он забыл их предварительно выбросить. А опытные Монька и Юзик тут же распустили рубахи и выбросили мешавшие им плоды. Монька, подбежав к дыре, увидел, что выход закрыт. Не мудрствуя лукаво, он наступил на торчащую часть тела бедного Янкеля и перемахнул через забор. Подбежавший вслед за ним Юзик, могучим ударом ноги в зад вытолкнул Янкеля на улицу и успел юркнуть вслед за ним. Бежавший сзади хозяин, метнул в него отобранной у Рувима большой морковкой и попал между лопаток. Мальчишка, которого трепала собака, наконец сумел вырваться, с трудом перелез через забор и убежал, хромя и оставляя следы крови.

Взятого с поличным Рувима потащили к дому хозяина. Хозяину нетерпелось узнать имена сообщников, но Рувим плакал и божился, что он полез за морковкой один, сам, а кто потом залез ещё, он не знает.

Когда хозяин устал от бесплодных допросов, он велел запереть Рувима в сарай и послал за полицейским. Тот явился только утром. Рувим провёл в сарае бессонную ночь. Его мучило чувство вины перед родителями и страх перед предстоящей встречей с полицией.

Потом выяснилось, что, когда он не явился ночевать, в доме поднялся страшный переполох. Но отец, выйдя на его поиски, тут же наткнулся на поджидавшего его Юзика, который объяснил ему, где следует искать сына.

К Кайзербрехту отца не пустили, и он просидел всю ночь дома, выслушивая причитания бабушки Рахили. Уже с самого утра он уже дежурил возле дома Кайзербрехта, и прибывшему полицейскому не пришлось за ним посылать.

Полицейский был настроен миролюбиво. Время в стране было такое, что полицейскому было не до Рувима с его пустяковым делом. Поэтому он ограничился составлением протокола и приказал отцу хорошенько отодрать Рувима ремнём и, конечно, оплатить герру Кайзербрехту за весь ущерб, который он понёс в прошлый вечер.

Когда Рувим возвращался с отцом домой, отец ни словом не упрекнул сына. Он только горестно вздыхал, а у Рувима сердце разрывалось от стыда и жалости к отцу.

Иначе обстояло дело с остальными участниками акции. Мазя покаялся в своём предательстве и получил от остальных по символическому пинку. От более серьёзного наказания ребята отказались, учитывая возраст преступника и принадлежность к жителям элитного двора, полноценной замены которому, увы, не было. А Монька, Юзик и Янкель с жаром рассказывали потом всем подряд о деталях налёта на сад Кайзербрехта. И чем чаще они рассказывали, тем большим количеством героических подробностей эти рассказы обрастали. При этом, они ссылались друг на друга, и в конце концов сами этим рассказам поверили. Монька принимал в этом деятельное участие, но в глубине души он понимал, что акция провалилась и месть не состоялась.

ЮЗИК

Самой колоритной фигурой в Монькиной компании был Юзик Лидман. Это был высокий, нескладный очень худой мальчик. Он ходил, сильно сутулясь, косолапя, загибая ногами вовнутрь. Он всегда был пострижен наголо, из-за чего был хорошо виден его чрезмерно выпуклый затылок. За это он получил кличку Цебар, что значит «кадушка». Его отец умер от туберкулёза, и мать должна была работать у богатых соседей, чтобы как-то прокормить семью. В доме постоянно было голодно и холодно. Юзик носил всегда чужие обноски. Обычно это были короткие, все в заплатках брюки, из которых торчали худые ноги в разбитых башмаках. Воротники рубах он всегда протирал до дыр, и мать их переворачивала, пришивая их не очень аккуратно. Из-за этого воротники в его рубахах были всегда перекошены. Внешне он напоминал Гекльберри Финна из произведений Марка Твена. Но никто, кроме самого Юзика, этого не знал, так как Твена никто не читал. А Юзик читал очень много и знал всё на свете. Он знал, почему Стена Плача получила своё название, кем были Иосиф Флавий и Ирод Великий, где жили Дон Кихот и Тиль Уленшпигель. Вечерами, сидя на брёвнах во дворе Арона Паганини, он важно покуривал самокрутку и, покашливая, рассказывал бесконечные истории, в которых он перемешивал прочитанное со своими фантазиями. Остальные не замечали этого и слушали его, раскрыв рот.

Больше всех он дружил с толстым Янкелем, называя его почему-то Гуськой. Они всегда ходили вместе, как Пат и Паташон.

Родители Янкеля владели небольшой лавочкой, и в доме у них был достаток. Янкель всегда что-то жевал, и вечно голодному Юзику тоже иногда кое-что перепало. Чтобы раздобыть курево для Юзика, они с Янкелем бродили по городу и собирали окурки, табак из которых потом шёл на изготовление самокруток. Юзик мог почти в любое время суток постучать в окно комнаты Янкеля и попросить:

-Гуська, дай зафагать, то есть закурить.

Как - то Юзик познакомился с Йозефом Кальманом, семья которого перебралась в Польшу из Вены после захвата Австрии фашистской Германией. Его отец был профессиональным футболистом, и он заразил Юзика любовью к футболу, а тот в свою очередь - всю остальную компанию. Йозеф и согласился продать Юзику за небольшие деньги настоящий футбольный мяч. Ребята всю весну копали грядки на чужих огородах, чтобы собрать деньги на эту покупку. В придачу к мячу Йозеф дал Юзику старую немецкую солдатскую каску, правда без ремешка.

Теперь ребята могли осваивать игру в футбол непосредственно на практике. Играли во дворе Арона, где обычные ворота использовались в качестве ворот футбольных. А вторые ворота размещались на противоположном конце двора. Штангами служили два кирпича. Играли вдохновенно до позднего вечера, пока ещё можно было рассмотреть мяч. Лучше всех, как всегда, играл Монька. Жители дома кое-как терпели крики и шум, потому что в этих играх активно участвовали Арон и Мазя- жители этого двора. И только тётя Броха была очень недовольна и постоянно ворчала, что это добром не кончится. К сожалению, она оказалась права.

Однажды ребята играли в футбол «на одни ворота». Ставили вратаря и по очереди били по его воротам. Кто забивал, заменял вратаря, а бывший вратарь занимал очередь для удара. Всё было хорошо, пока не пришёл Юзик и не заявил, что у Кальмана он освоил новый удар. .

При выполнении этого удара мяч «подрезается» внешней или внутренней стороной стопы и летит по дуге. Принимать такие мячи вратарям особенно трудно.

Затем он продемонстрировал этот замечательный удар. Мяч действительно пролетел по дуге мимо растерявшегося вратаря, ударился в штангу, вернее в столб, поддерживающий ворота, и рикошетом отскочил в окно, у которого сидела тётя Броха. Посыпались стёкла. На мгновение все застыли. Потом Монька подхватил отскочивший мяч и с хохотом выскочил через калитку на улицу. Остальные ринулись за ним. В калитке образовалась пробка. Рувим, находившийся в дальнем конце двора, оказался у калитки последним. Тётя Броха успела выскочить с помойным ведром во двор и окатила Рувима помоями с ног до головы. Когда он появился на улице, увешанный очистками картофеля и лука, восторгу остальной компании не было предела.

На этом день для Рувима был окончен. Он побежал отмыться, проклиная тётю Броху и Юзика с его особым ударом, а остальные побежали вдоль по улице, подальше от разъярённой тётки Брохи.

Они бежали возбуждённые, красные, громко обмениваясь свежими впечатлениями. На перекрёстке они столкнулись с другой группой подростков во главе с Вилли Кайзербрехтом.

-Куда торопитесь, жидята?- крикнул он, подходя к Моньке, - Я знаю, что это вы лазили в наш сад. Ничего, мы скоро будем вам всем кровь пускать!

Монька, ни слова не говоря, нагнулся, сгрёб рукой грязь с мостовой и швырнул её в лицо обидчика. Пока Вилли стирал грязь с лица и протирал глаза платком, Монька с товарищами побежали назад по улице. Вилли с друзьями – за ними. Монькина команда успела забежать во двор к Юзику и запереть калитку.

Двор окружал высокий забор с прочными воротами, и ребята почувствовали себя в полной безопасности. Противники, обнаружив, что до них просто так не добраться, стали забрасывать осаждённых гнилыми огурцами и зелёными помидорами, валявшимися в ящике возле соседней лавочки. Осаждённые в свою очередь подбирали эти снаряды и бросали их назад. Такая война нравилась обоим враждующим сторонам. Вдруг Юзика осенила гениальная идея. Он забежал в дом и вынес оттуда немецкую каску, подаренную Йозефом. Одев её на голову, он заявил, что теперь ему ничего не страшно. Монька тут же предложил ему защищать этой каской и всех остальных тоже. Это предложение Юзику понравилось, и он стал подставлять голову под летящие плоды, что вызвало взрыв восторга у его товарищей. Громким хохотом встречали они каждое попадание помидора или огурца в каску, когда они от удара разваливались на куски, разлетающиеся во все стороны. Польщённый таким вниманием, Юзик вошёл в раж. Он стал гоняться за каждым снарядом, бегая по всему двору и подпрыгивая. Когда же он подпрыгнул особенно высоко, каска по инерции подскочила ещё выше, и снаряд ударился под каску прямо в переносицу. К несчастью, снаряд оказался не огурцом, а камнем. Из носа хлынула кровь. Юзик заревел, как раненный верблюд. Услышав страшные крики, противники бросились бежать.

Товарищи помогли Юзику остановить кровь, прикладывая к переносице мокрые тряпки. А Юзик долго ещё ходил с распухшим синим носом.

ЯНКЕЛЬ

Янкель занимал в компании Рувима достойное место. Небольшого роста, кругленький, с рыжеватой кудрявой шевелюрой и веснущатой физиономией, он был не так прост, как это казалось на первый взгляд. Он обладал большим чувством юмора и неистощимыми запасами

анекдотов и забавных историй на все случаи жизни. Обычно на вечерних посиделках на брёвнах он разбавлял научно-фантастические истории Юзика очень своевременными и сочными шутками, от которых все присутствующие покатывались со смеху. Кроме того, он был мастером всевозможных розыгрышей и мистификаций. Поскольку Моньку он боялся, а Рувима очень уважал, объектом этих розыгрышей чаще всего становились Юзик, Арон и маленький Мазя. Правда, долго на него никто не обижался.

Янкель обладал также феноменальной памятью и прекрасными математическими способностями. Он легко оперировал многозначными цифрами, производя в уме сложные расчёты. Он знал текущие цены на самые разнообразные товары и мог посоветовать, где их можно купить подешевле. Этими способностями Янкеля частенько пользовались его родители. Они охотно привлекали его к работе в их семейной лавке. И хоть он был младшим из троих детей, к его советам прислушивались все члены семьи, особенно, когда производилась закупка товаров. И он никогда не ошибался. За советом обращались к Янкелю и соседи, и даже покупатели. Он охотно откликнулся на их просьбы, и надо признать, не всегда бескорыстно. Поэтому у него обычно водились деньги. Ему пророчили блестящее коммерческое или финансовое будущее. Но Рувим сильно в этом сомневался. И основания у него для этого были. Дело в том, что Янкель был необычайно азартным человеком и зачастую не мог вовремя остановиться. Это доставляло ему немало хлопот.

Одним из самых серьёзных увлечений молодёжи с Жидовской улицы было коллекционирование. Собирали марки, монеты и бумажные деньги, фантики от конфет и этикетки от спичечных коробок, брелки и открытки, значки, ордена, пуговицы и вообще самые неожиданные предметы. Естественно, что Янкель был в числе самых страстных коллекционеров. Как и другие ребята из их компании, он в первую очередь собирал марки. Со свойственным ему размахом он завёл толстый специальный альбом, в котором марки хранились в прозрачных карманах. Он не был настоящим филателистом, и действительная ценность марок его не интересовала. Он оценивал марки по размерам и внешнему виду. Особенно ему нравились марки яркие, красивые, с изображением животных, птиц, бабочек. Марки он покупал и выменивал. Приобретали марки у старого филателиста по прозвищу Старикашка. К нему шли, как в музей. Старикашка демонстрировал посетителям свои многочисленные альбомы, получая сам от этого огромное удовольствие. Он вынимал пинцетом запрашиваемую марку, внимательно сам осматривал её в лупу, а затем передавал вместе с лупой покупателю. Это священнодействие также создавало атмосферу чего-то необычного и привлекало покупателей. При этом, Старикашка был абсолютно порядочным профессионалом. Он относился к ребятам уважительно, никогда их не обманывал и цены на марки устанавливал вполне приемлемые. У ребят глаза разбегались от разнообразия прекрасных марок. Однако, возможности у большинства из них были весьма ограничены. Поэтому покупали марки в основном только Янкель и Монька, а остальные приходили главным образом для того, чтобы в очередной раз полюбоваться недоступными сокровищами.

Но бывали случаи, когда и Рувим не мог устоять. Во время одного из посещений Старикашка предложил им несколько «немецких колоний». Это были очень дорогие и дефицитные марки, но из-за небольших дефектов Старикашка произвёл грандиозную уценку. Янкеля и Моньку эти невзрачные маленькие марки с изображением каких-то кораблей не заинтересовали. Зато Рувим понимал их ценность. Ференц Экели в своё время научил его разбираться в марках. Поэтому Рувим не покупал большого количества дешёвых красивеньких марок, а старался приобрести пусть и невзрачные, но понастоящему ценные и

редкие марки. Кроме того, его коллекцию пополнял Ференц, ведущий переписку со своими друзьями, живущими в разных странах мира. Поэтому, когда ему выпала такая редкая удача, он истратил на покупку все свои «Хануке гелд».

Вторым важным источником приобретения марок был обмен. В этом деле Янкель не имел себе равных. Путём многоходовых комбинаций с многократными обменами он значительно пополнил свою коллекцию, чем очень гордился. Он всюду носил свой альбом и демонстрировал его всем желающим и нежелающим, раздуваясь при этом от гордости.

Арон разглядывал коллекцию равнодушно, вежливо поддакивая. Юзик разглядывал с любопытством, так как для него это было способом изучения географии. Хроническая бедность не позволяла ему даже мечтать о каком бы то ни было коллекционировании. Моньке Янкель старался марки не показывать, потому что тот мог их попросту отобрать. Рувим разглядывал коллекцию Янкеля, ухмыляясь в душе. Он то знал, что его малочисленная коллекция представляет значительно большую ценность.

А однажды произошёл случай, который придал новый импульс их стараниям. Юзик нашёл клад. Забравшись на чердак своего старого дома, он нашёл там большой свёрток, в котором находились бумажные деньги. Невообразимый восторг, который охватил было счастливчика, быстро сменился таким же глубоким разочарованием. В пачке оказались деньги Российской империи, бывшие в ходу в конце девятнадцатого - начале двадцатого веков. Сейчас они не представляли особой ценности даже для нумизматов. Зато Янкель мгновенно сориентировался в обстановке и выменял у Юзика всю пачку за два куска хлеба с маслом. Затем он пустил эти купюры в «оборот» и выменял за них у простаков массу полезных предметов, включая старинные монеты. В результате он стал ведущим на улице коллекционером. Но, к сожалению, не на долго.

Азартная натура не позволила Янкелю спокойно наслаждаться своими богатствами и вовлекла его в большую беду. Он увлёкся карточной игрой.

Во двор к Арону повадился ходить великовозрастный бездельник по имени Шлома-Баранний Лоб. Человек неопределённой профессии и шулер по призванию, он промышлял тем, что втягивал молодёжь в карточную игру, безжалостно обыгрывая всех подряд. Постепенно вся компания Рувима оказалась у него в глубоком долгу. Однако, большинство из них сумело найти в себе силы прекратить карточную игру и прервать всякое общение с Баранним Лбом, хотя рассчитаться с долгами было очень непросто. А Янкель сделать это не смог. Хитрый шулер умел разжечь его азарт, периодически проигрывая ему небольшие суммы денег. Когда же вдохновлённый победой, Янкель ставил на кон крупную сумму, он неизменно оказывался в проигрыше. Друзья пытались его урезонить, уговаривали остановиться, он обещал и тут же опять срывался.

Постепенно он проиграл все имеющиеся у него наличные деньги, все свои коллекции и влез в неоплатные долги. Баранний Лоб установил драконовские проценты по просроченным платежам, и Янкель оказался в полной кабале. При этом он подвергался настоящему шантажу. Баранний Лоб подсылал к нему своего подручного по кличке Горячка. Все мальчишки на улице боялись Горячки. В драке он набрасывался на противника с визгом, брызгая слюной, пуская в ход нож, кастет и всё, что попадалось ему под руку. За это он и получил свою кличку. Его считали припадочным и старались с ним не связываться.

Горячка всюду преследовал Янкеля, напоминая, что долг растёт. Для убедительности он довольно сильно его поколачивал. Когда положение стало невыносимым, Янкель обратился за помощью к друзьям.

Рувим собрал совещание, на котором произошёл обмен компетентными мнениями. Единогласно решили, что в первую очередь Янкель должен прекратить карточную игру и поклясться, что никогда больше он не возьмёт карты в руки. Янкелю ничего не осталось делать, как выполнить это требование. Потом был произведен подсчёт имеющихся в наличии ресурсов. Для покрытия долга пришлось продать все имеющиеся у ребят сокровища, включая коллекции Моньки и Рувима, и полученные от Ференца игрушки. С собранными деньгами Янкель отправился в сопровождении Ференца к Шломе и передал ему деньги в присутствии уважаемого свидетеля.

Казалось бы, инцидент исчерпан, но через несколько дней к Янкелю на улице подошёл Горячка и в присутствии Моньки и Рувима заявил, что к Янкелю ещё имеются претензии. Когда он при этом попытался его ударить, то получил серьёзный отпор. Рувим, Монька и даже Янкель дружно вступили в бой. И тут оказалось, что грозный Горячка - обычный трус. Он попросту бежал с поля боя, издали обещая изловить их всех потом по одиночке.

Так в одночасье окончилась увлекательная эпопея с коллекционированием.

НАВАЖДЕНИЕ

У Мази была старшая сестра Марыля, дочь его матери от первого брака. Ей было лет четырнадцать-пятнадцать. Высокая, худенькая, незаметная, с гладкозачёсанными волосами соломенного цвета, собранными в небольшую косу. Обычно она держалась особняком и никогда не участвовала в шумных сборищах своего семейства. С ребятами во дворе она тоже не общалась. Молча проскальзывала мимо играющих во дворе мальчишек, не удостоивая их вниманием. Они отвечали ей взаимностью. Однажды июльским вечером к ней в гости пришли две девочки. Когда они проходили через двор, игравшие там в футбол ребята почтительно замерли. Обе девочки выделялись своей непривычной внешностью. Яркие блондинки с красивыми причёсками, одетые в матросские блузки и светлые юбки, которые ладно обтягивали их стройные бёдра. Изящные белые шляпки, белые носочки на длинных загорелых ногах и лёгкие светлые туфли дополняли общую картину. Таких красивых паненок во дворе ещё не видывали. Мальчишки были озадачены, хоть старались этого не показывать.

Девочки вошли в дом Шиккульских. И оттуда стали доноситься их щебетание и взрывы смеха. Через некоторое время они появились во дворе уже втроём - вместе с Марылей и разместились на брёвнах. Мальчишки взглянули на Марылю и не поверили своим глазам. Это была совсем другая, незнакомая девочка. Новая причёска, слегка подкрашенные ресницы и брови её полностью преобразили. Она перестала сутулиться, и все увидели, что у неё упругая грудь, красивая длинная шея, стройные ножки, и что она вообще очень привлекательна. В одночасье она из гадкого утёнка превратилась в прекрасного лебедя.

Сидя на брёвнах, как на трибунах стадиона, девочки с интересом наблюдали за игрой мальчишек, обмениваясь весёлыми замечаниями по поводу игры. Их присутствие придало игре новый стимул. Игроки буквально преобразились. Монька демонстрировал чудеса дриблинга, Рувим носился по площадке без усталости, Арон совершал в воротах невероятные прыжки, доставая «мёртвые» мячи. Юзик, Лешик и Янкель, как львы, бросались нападающим в ноги. Такой энтузиазм не остался незамеченным на трибуне и удостоился положительной оценки зрителей, рукоплескавших каждому удачному приёму. Первым, как всегда, отреагировал на такое внимание Монька. Он заявил, что впервые видит девушек, так хорошо разбирающихся в футболе, и поинтересовался, как их зовут. Девочки охотно рассказали, что

они родные сёстры. Старшую зовут Яня, а младшую - Ада. Они учились с Марылей в одном классе, но уже год, как перебрались с родителями в Варшаву. Сейчас они приехали погостить в родной город к бабушке и дедушке.

Тут и вся остальная компания прекратила игру. Все разместились на брёвнах вокруг девочек. Завязался общий разговор. Каждый старался удостоиться благосклонного внимания очаровательных слушательниц. Больше всех преуспел Янкель. Из него так и сыпались смешные истории. Девочки звонко смеялись, и все были счастливы. Несколько часов пролетело незаметно. Сёстры, распрощавшись с Марылей и ребятами, обещали завтра прийти опять и упорхнули со двора. Марыля тоже ушла в дом, а ребята остались в радостном возбуждении. Провожать девочек они ещё не решались.

С этого дня жизнь во дворе изменилась. Целый день ребята ждали наступления вечера. Они собрались во дворе в праздничном настроении и нарядном одеянии. Даже Юзик пришёл в чистой рубашке. Долго спорили, чем удивить гостей. В конце концов решили показать им игру в городки - для них это будет внове. К моменту прихода гостей площадка была размечена, фигуры расставлены. Девочки встретили новую для них игру с энтузиазмом. Яня и Ада тут же выразили желание принять в ней непосредственное участие. Марыля предпочла наблюдать за игрой с трибуны, то - бишь, с брёвен. Арон и Лешик тут же захотели к ней присоединиться. Это всех озадачило, так как Лешик никогда не упускал случая сыграть в свою любимую игру.

На первых порах игра у девочек не ладилась. Тогда Монька, а за ним и Рувим стали показывать, как нужно производить броски. Стоя за спиной подопечной и полулюбимая её, они помогали им делать замахи и броски. Такая учёба нравилась как учителям, так и ученицам. В результате, дело быстро пошло на лад. Каждый удачный бросок сопровождался радостными криками игроков обеих команд и громкими аплодисментами зрителей. Время пролетело незаметно. Потом все расположились на брёвнах. Арон принёс скрипку, а Марыля - гитару. Неожиданно для всех выяснилось, что она прилично играет и мило поёт.

Арон сыграл несколько классических пьес. Когда же Марыля спела «Аве Мария», восторгу присутствующих не было границ. Возвышенное настроение сорвал Янкель, рассказавший очередной анекдот на библейскую тему. Потом под аккомпанемент гитары пели хором. Арон подыгрывал на одной струне. Вечер окончился, и вся компания пошла провожать девочек. Правда, они разрешили проводить себя только до центра города.

Встречи продолжились и в последующие дни. Были переиграны все известные игры, и компания перебралась в более романтическое место - за город на берег озера. Там они бегали, играли в разные игры, гуляли. Девочкам нравилось сидеть на большой иве, нависающей над водой, и плести венки, цветы для которых собирали мальчишки. Однажды Монька затеял обучать девочек игре в футбол. В это время появился Вилли Кайзербрехт в сопровождении своих друзей. Они принялись насмехаться над играющими. Вилли заявил, что Моньке с его компанией только и осталось, что играть с девчонками. Монька ответил, что может справиться ещё кое с кем. Вызов был немедленно принят.

Тут же была достигнута договорённость о встрече в ближайший выходной день на этой же площадке. На следующий день будущие противники принялись готовить площадку для игры. Они поставили ворота, нанесли все ограничительные линии и даже изготовили несколько скамеек для почётных гостей. Обговорили условия игры. Размеры площадки не позволяли играть полным составом команд. Поэтому ограничились шестью игроками с каждой стороны при продолжительности матча - два тайма по тридцать минут.

Вилли заранее торжествовал победу и имел для этого все основания. Понимая это, Рувим обратился за советом к Ференцу. Тот с увлечением подключился к подготовке встречи. Он пообещал попросить Кальмана, чтобы они с сыном судили этот матч, что придаст встрече солидность и предотвратит возможные эксцессы. Затем, достав шахматную доску, он принялся разрабатывать возможную тактику игры. Установив фигурки на доске, он показал место каждого игрока. По его мнению, игру следует вести «от обороны». Быстрый Монька должен быть выдвинут вперёд, как бы ни складывалась игра, и ждать паса из глубины. Ференц назвал это: «Быть на падали». Рувим должен был играть в полузащите, помогая защищать ворота, и при первой же возможности передовать мяч вперёд Моньке. Место в центре защиты отводилось могучему, но малоподвижному Лешуку. Юзик и Янкель должны были играть по краям, а в воротах – естественно, незаменимый вратарь Арон.

Диспозиция всем понравилась, и Монькина команда в глубокой тайне принялась её отрабатывать на многочасовых тренировках.

Известие о предстоящей встрече быстро распространилось среди молодёжи Жидовской улицы и её окрестностей, чему немало способствовали старания самих игроков и их друзей. Последние дни мало радовали хорошими событиями, поэтому спортивная встреча была воспринята как праздник и привлекла многочисленных зрителей. На скамейках разместились почётные гости, среди которых были Кайзербрехт-старший, Ференц, Марыля с Яней, Адой и ещё несколькими подружками. Молодёжь расположилась прямо на траве вокруг площадки. В их обязанности кроме всего прочего входило также не пропускать мяч в воду озера. Мазя, Плешь и ещё несколько их товарищей должны были подавать мяч, покинувший площадку.

Наконец долгожданная встреча началась. Судья Кальман вызвал свистком команды на поле. Первыми дружно выбежала команда Вилли. Она производила внушительное впечатление. Рослые, сильные ребята, одетые в полосатые футболки и белые трусы, они полностью соответствовали названию команды - «Тигр». Монькина команда вызвала презрительный свист и насмешки. Игроки были одеты во что придётся. Общим у всех была только нашитая на рубашки эмблема команды - молния.

Капитаны команды разыграли ворота, пожали друг другу руки, и игра началась. Как и следовало ожидать, инициативу сразу же захватили «Тигры». Они прижали противников к воротам. Прорывы по флангам следовали один за другим. Однако, Юзик и Янкель храбро бросались нападающим под ноги, а затем мяч подбирал оказывающийся у них за спиной Лешик. Тактика, предложенная Ференцем, себя оправдала полностью. Несмотря на явное территориальное преимущество, «Тиграм» никак не удавалось добиться результата. Постепенно они устали от бесплодных атак и стали допускать ошибки. Этим воспользовалась противная сторона. Сначала Юзик, отобрав мяч, послал его своим коронным крученным ударом за спину защитника противника. Мяч перехватил Рувим и тут же передал дежурившему у ворот Моньке. Последовал рывок, удар, и мяч оказался в воротах. Через несколько минут уже Рувим убежал от своего опекуна, отбросил мяч пяткой назад, и Монька удвоил счёт.

«Тигры» были в полной растерянности. Они бестолково суетились, Вилли на всех кричал, и от полного разгрома их спас только свисток судьи, известивший об окончании первого тайма. Во время перерыва «Тигры» обсудили ход игры, успокоились и решили изменить тактику. Они начали обстреливать ворота противника издали. Сначала Арону удавалось отражать дальние удары. Но постепенно «Тигры» пристрелялись. Вилли метров с пятнадцати послал мяч в верхний угол ворот. Арон сделать ничего не смог. Потом последовала многоходовая комбинация, и счёт сравнялся. Воодушевлённые успехом, «Тигры», ведомые

своим капитаном, предприняли затяжной штурм Ароновых ворот. Но сил уже не было. Когда до конца встречи оставалось несколько минут, «Молния» получила право на штрафной удар неподалёку от ворот «Тигров». Почти все игроки обеих команд собрались у этих ворот. Подавал Юзик. Мяч обогнул стенку. Лешик пытался в прыжке его перехватить, но защитник противника успел к мячу раньше. Сильно пробитый им мяч попал в лицо Лешика и рикошетом отлетел в ворота. Этого не ожидал никто. Пока «Тигры» выясняли, кто из них виноват, раздался свисток судьбы, и матч окончился. Проигравшие ушли с поля, понуриив головы. На победителей обрушился град цветов и аплодисментов. О цветах позаботились Мазя со товарищи, а аплодисменты исходили от ребят с Жидовской улицы, довольных тем, что их товарищи сумели проучить высокомерного Вилли.

Пока его товарищи нежились в лучах славы, Лешик тихонько лежал на траве, пытаясь с помощью листьев подорожника остановить кровь, идущую из разбитого носа. За этим занятием и обнаружила его Марыля. Она справилась с задачей более успешно, пожертвовав для этой цели свой носовой платок. Потом потихоньку от остальных они вдвоём покинули площадку.

Монька и Рувим также постарались исчезнуть незаметно в компании Яни и Ады. Они бродили по берегу озера, держась за руки - Монька с Яней, а Рувим с Адой. Потом они зашли в рощу. Яня рассказала про народный обычай искать в Купальскую ночь цветы папоротника, и все дружно пожалели, что праздник уже прошёл.

Девочки разрешили проводить себя домой. Они жили в большом богатом доме в самом центре города. Постояв немного у ворот, ребята распрощались с девочками и отправились назад. Но попросту разойтись по домам они никак не могли. Их переполняли впечатления минувшего дня – грандиозная футбольная битва, победа и восторг от охватившего их чувства. И от того, что они пользуются взаимностью. Они долго говорили на всевозможные темы, стараясь, однако, не затрагивать темы интимные. К публичному выражению своих чувств они ещё не привыкли.

Вернувшись домой, Рувим не знал, как выплеснуть избыток охвативших его чувств. Он принялся рисовать, хотя раньше живописью не увлекался. Постепенно на рисунке появилось изображение уплывающего в даль парусника и стоящая на берегу рыбачка в матроске, машущая уплывающему другу платочком. Под рисунком была изображена монограмма, в которой легко угадывалось имя «Ада». Подошла Сарра, посмотрела через плечо брата на его работу и презрительно фыркнула:

-Нашёл в кого влюбляться! Что, для тебя своих девочек мало?

Рувим молча спрятал рисунок и пошёл в постель. Эта точка зрения его сильно обеспокоила. Он понял, что могут возникнуть серьёзные проблемы, но старался гнать от себя неприятные мысли.

Наутро он отправился к Моньке и застал его за странным занятием. Он что-то старательно писал на листочках, чёркал, переписывал. Подобрал один из таких листочков, Рувим прочёл про тёплый вечер, рогатый месяц, ветерок, который шелестит молодой листвой, и понял, что незгибаемый Монька тоже влюбился.

Все последующие вечера Монька с Яней, Рувим с Адой, и присоединившиеся к ним Лешик с Марылей старательно избегали общения с остальными ребятами. Первое время Арон пытался составить им компанию, но быстро понял, что он - третий лишний, и присоединился к Юзику с Янкелем, которые вкушали неожиданно свалившееся на них бремя славы в окружении малолеток.

Поздно вечером, проводив девочек, Рувим возвратился возбуждённый домой и почувствовал там какую-то напряжённость. Он старался не обращать на это внимания, но в конце концов ему пришлось выдержать неприятный разговор с отцом.

-Послушай меня, зунеле,- сказал отец, - Я не хочу вмешиваться в твои личные дела, но ты - мой сын, и я не хочу, чтобы ты потом сильно страдал. Пойми, эта девочка - тебе не пара. Она - дочь богатого польского финансиста, а ты- сын небогатого еврейского ремесленника. Подумай об этом!

Рувим хорошо понимал, что отец прав, но согласиться с этим никак не мог. Но дальнейшие события расставили всё по своим местам.

Как обычно в последнее время, ребята гуляли вшестером с девочками, и сильно задержались. Когда Монька с Рувимом довели девочек до ворот их дома, у ворот их встретил хорошо одетый пожилой мужчина. Девочки сразу сникли. Он смерил Моньку и Рувима с головы до ног и грубо крикнул девочкам:

-Марш в дом!

Потом, ни слова не говоря, повернулся и пошёл за ними. Мальчики почувствовали себя крайне неудобно. Они прошли несколько десятков метров, когда за спиной они услышали топот ног. Обернувшись, они увидели, что их догоняют три здоровых мужика с палками в руках. Раздумывать было некогда, и мальчишки бросились бежать со всей доступной для них скоростью. Им удалось оторваться от преследователей, и они стали сворачивать на перекрёстках в разные стороны, стараясь сбить преследователей с толку. Когда стало ясным, что те их окончательно потеряли, мальчики успокоились и стали выбираться на знакомые улицы.

На следующий день девочки не пришли. Не пришли они и в последующие дни. Марыля сказала, что дед отправил их домой в Варшаву. Монька и Рувим были потрясены. Они не могли найти себе места.

Но время всё лечит. Сладкое наваждение постепенно рассеялось, уступив место горькой прозе жизни. Нахлынувшие события окончательно отодвинули романтическую историю на второй план. Но Рувим в дальнейшем ещё не раз с благодарностью вспоминал о своём первом чувстве.

РУВИМ

Если Моня был мотором своей компании, то Рувим был её совестью. Это был невысокий крепкий мальчик, очень спокойный и рассудительный. Он обладал не по годам большой практической сметкой и непомерно развитым чувством справедливости. За все эти качества ему дали кличку Ребе. Он умел слушать и слышать своего собеседника. Поэтому к нему шли за советом все мальчишки с Жидовской улицы. Даже старшая сестра Сарра обращалась к нему в трудных ситуациях, и он никогда её не подводил. А младшая сестра Лия его обожала и была счастлива, когда он с ней играл.

Эти черты Рувим унаследовал у своего отца Иосифа. Малообразованный человек, простой сапожник, отец обладал какой-то особой житейской мудростью. У него была небольшая мастерская в будочке возле дома, где он принимал заказы от населения и осуществлял мелкие

ремонтные работы. Более крупные заказы он выполнял дома. У Рувима на всю жизнь запечатлелись в памяти запах кожи и перестук отцовского молотка.

Отец был хорошим мастером, поэтому у него была обширная клиентура. Обычно он знал всех своих клиентов и работал в кредит. Клиенты рассчитывались с ним в течение месяца. За долгие годы между ними сложились доверительные отношения, когда обе стороны выполняют свои обязательства. Имело значение, что Иосиф придерживался умеренных цен за свою работу. Может быть, поэтому он так и не разбогател.

Помимо высокого профессионального мастерства людей привлекало к Иосифу его умение внимательно выслушать человека и подсказать ему единственно верное решение. Поэтому несли к нему в будочку не только свою обувь, но и свои беды. У него в будочке постоянно кто-нибудь сидел и изливал свою душу, а Иосиф работал и слушал. Потом задавал наводящие вопросы и в осторожной ненавязчивой форме мог дать совет. Иному человеку было достаточно просто выговориться, чтобы ему полегчало. Иногда к нему одновременно обращались обе конфликтующие стороны, и его решение принималось безоговорочно. Таков был его авторитет. Характерно, что к нему обращались за советом не только евреи.

Иосиф был верующим человеком, соблюдал все основные традиции своего народа, но без излишней экзальтации и нетерпимости к другим взглядам. Поэтому он не препятствовал браку своей сестры с христианином, и Ференц Экели был его лучшим другом.

Благодаря особенностям его характера семья жила дружно. Отец работал, мать хозяйствовала в доме, целиком доверяя мужу в принципиальных вопросах, а дети им помогали. Рувим рос в такой благоприятной обстановке. Но характер и взгляды Рувима сформировались не только под влиянием отца. В немалой степени на него влияло общение с Ференцом Экели и Абрамом Кейлиным. Именно совокупность этих порой очень разных и противоречивых воздействий сделало его таким, каким он стал - совестливым, обязательным и рассудительным. Поэтому родители его уважали и никогда не наказывали. Его уважали и все его товарищи. Даже грозный Монька предпочитал с ним не связываться, чему способствовал один памятный случай.

Однажды Рувим вышел на улицу и увидел дружную парочку - Янкеля и Юзика. Янкель, как всегда, жевал. На этот раз это был большой кусок белого пшеничного хлеба с маслом и сахаром. Юзик стоял рядом и ждал, когда добрый Янкель даст и ему откусить кусочек. Появился Монька и, ни слова не говоря, выбил хлеб из рук Янкеля на грязную мостовую. Рувим этого стерпеть не мог. Он подскочил к Моньке и вlepил ему кулаком по лицу. Монька бросился на него. Они сцепились и покатались по земле, нанося друг другу удары, куда попало. А виновники происшествия - Янкель и Юзик - бледные и дрожащие, прижавшись к забору, молча наблюдали за происходящим, не вмешиваясь в драку. Монька разбил Рувиму нос и губу, но и сам смотрел на мир только одним глазом.

После этого случая он никого в присутствии Рувима уже больше никогда не трогал.

В начале августа в городе выдалась жаркая неделя. Все, кто мог, потянулись к водоёмам. Мальчишки, конечно, в первую очередь. Рувим и вся их компания собрались на озере неподалёку от города. Все уже по несколько раз искупались и загорали, лёжа на траве. Только Арон не купался. Он не умел плавать и боялся насмешек со стороны своих товарищей. Тем более, что вокруг было много знакомых. Арон уговорил Рувима пойти купаться в менее многолюдное место. Неподалёку в озеро впадала небольшая речушка. В ней обычно никто не купался, так как речка была мелкая, вода в ней холодная, а течение - очень быстрое. Но ребята знали одно место, где русло речки расширялось, а на дне неизвестно по каким причинам образовалась глубокая и широкая воронка. Сюда-то и направились Рувим с Ароном.

Теперь стесняться было некого, и Арон тут же полез в воду. Он купался на мелком месте выше воронки по течению, а Рувим – в воронке, где можно было поплавать. Наплававшись вволю, Рувим вылез на берег и с наслаждением растянулся на траве, подставив спину лучам солнца. Арон же продолжал плескаться. Через некоторое время Рувим поднял голову, посмотрел на воду и похолодел. Быстрое течение снесло Арона в воронку, и он отчаянно барахтался, пытаясь удержаться на поверхности. Опускаясь на дно воронки, он отталкивался от дна ногами и выскакивал на поверхность, хватал воздух и опять тонул. Арон настолько растерялся, что даже не пытался позвать друга на помощь. Рувим бросился в воду и подплыл к Арону. Но стоило ему приблизиться к Арону, как тот вцепился в его плечи и шею, пытаясь приподняться над поверхностью воды и схватить побольше воздуха. Естественно, Рувим тут же пошёл ко дну и сам стал задыхаться. Наконец Рувиму удалось сгруппироваться под водой и оттолкнуть Арона ногами. Но стоило ему выбраться на поверхность, как Арон опять бросился к нему и в отчаянии хватал его за шею. Рувим видел его обезумевшие от страха глаза и понял, что так они могут утонуть оба. Когда ему в очередной раз удалось вырваться, он нырнул за спину Арона, схватил его под мышки и вместе с ним опрокинулся на спину. Тот попытался вырваться, но Рувим сильно тряхнул его и крикнул :

-Лежи спокойно, иначе оба утонем.

Лёжа на спине вместе с Ароном, он начал потихоньку подгрести свободной рукой. К счастью, воронка была не очень широкой, и быстрое течение помогло им выплыть на мелкое место. Они молча выбрались на берег и упали на траву. Их бил озноб. Они лежали молча, не глядя друг на друга. Постепенно они пришли в себя и вернулись к ребятам, которые стали шутить по поводу их долгого отсутствия. Так как Рувим с Ароном на эти шутки не отреагировали, все быстро успокоились и отправились по домам. Ни Рувим, ни Арон об этом происшествии никому не сказали, и старались о нём вообще не вспоминать.

А между тем, в городе нарастала тревога. Евреи, бежавшие от фашистов из Германии, Австрии, Чехословакии рассказывали о погромах, убийствах, грабежах имущества и других жутких вещах, в которые не хотелось верить. Взрослые собирались каждый вечер у кого-нибудь из соседей и обсуждали свежие новости. Ходили слухи, что вот-вот начнётся война. Никто не знал, что делать. Верующие истово молились. В городе появились листовки и плакаты, призывающие к еврейским погромам. Кое-где начались грабежи и нападения на евреев. Стало страшно выходить на улицу. Даже дети стали реже появляться на улице и жались ближе к дому. Рувим теперь почти не встречался с друзьями, и целые дни проводил с сёстрами. Но к концу августа наступило затишье, и всем захотелось поверить, что теперь будет всё хорошо.

Лия давно просила старшую сестру и брата взять её за город на озеро. Однако, в связи с последними событиями родители старались не отпускать детей далеко от дома. И вот теперь они решили уступить её просьбам. Был тёплый день, и Рувим с сёстрами налегке пошли к озеру. Это было небольшое чистое озеро, где местами росли тростник и жёлтые кувшинки. Один берег был пологим и полностью открытым. Большая поляна на опушке роши из лиственных деревьев примыкала к воде, уступая место гальке. У самой воды располагалась узкая полоска песка. Это было любимое место отдыха горожан. В жаркие дни здесь всегда собиралось много купающихся. Но сейчас был конец августа, вода стала холодной, и поэтому, несмотря на тёплую погоду, народу было мало и никто не купался. Неподалёку выгуливал овчарку незнакомый пан, одетый в короткие клетчатые бриджи и светлую рубашку с отложным воротником. Пан бросал в воду палку, и собака вылавливала её в воде и приносила своему хозяину. А тот бросал её снова.

Дети вышли к воде. Лия принялась строить домики из мокрого песка, а Рувим с Саррой набрали камней и, зайдя по щиколотку в воду, «пекли блины», то есть бросали плоские камни в воду так, чтобы они многократно отскакивали от поверхности. Каждый удачный бросок они встречали радостными криками, споря, кто бросил лучше. Эти крики и еврейская речь сильно раздражали пана с собакой. Он подошёл к детям и закричал:

-Грязные еврейские свиньи! Убирайтесь отсюда сейчас же!

Лия в страхе закричала. Сарра схватила её на руки и побежала прочь в сторону города. Рувим замешкался, собирая вещи. Пан выругался и подскочил к Рувиму. Собака восприняла это как сигнал к атаке, и набросилась на Рувима, вцепившись в его штанину. Рувим пытался вырваться, но это вызвало ещё большую злость у собаки и у её хозяина. Продолжая ругаться, пан вытащил из кармана складной нож и ударил Рувима в бок. На рубашке проступила кровь. Рувим громко застонал. Сёстры, обернувшись, увидели кровь и в ужасе закричали. Пан решил на всякий случай ретироваться. Он схватил собаку за ошейник, надел поводок и быстро пошёл в сторону города, проклиная на ходу всех жидов. А дети остались на берегу, приходя в себя после происшествия.

Рувиму повезло. Нож скользнул по касательной, только оцарапав тело. Сарра замыла рану и зажала её своей косынкой. В результате, кровотечение вскоре прекратилось, и дети смогли пойти домой.

Появление окровавленного Рувима вызвало в доме настоящий переполох.

К сожалению, эти события были только прелюдией к надвигающимся большим бедам. Через несколько дней немецкие войска вторглись в Польшу. А вскоре Рувим увидел, как через перекрёсток проехали немецкие мотоциклисты, а вслед за ними машины с солдатами. Детство кончилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗВЕРИ И ЛЮДИ

СТАС

Прошло уже более двух недель, как немцы вошли в Лодзь. Был приятный сентябрьский вечер. Рувим, Арон и Юзик сидели на брёвнах у Арона во дворе и тихо разговаривали. За последние две недели они собрались вместе впервые. Моньки в городе не было. Отец отвёз его от греха подальше к хорошим знакомым, живущим на литовской границе. Янкель почти не выходил из дома и на призывы Юзика не откликался. Жизнь ребят на Жидовской улице резко изменилась. Кругом стояла непривычная тишина. Не было слышно детских криков и смеха. Как будто все дети куда-то в одночасье пропали. На самом деле они просто сидели по своим домам или дворам, стараясь без лишней нужды на улице не появляться. Юзик, который в поисках окурков продолжал рыскать по городу, рассказывал ребятам об обстановке. О том, что евреям запрещено ходить по тротуарам, заходить в рестораны и многие магазины.

Внезапно хлопнула калитка, и во двор вошёл тот, кого ребята хотели бы видеть меньше всего. Это был Стас Шиккульски. Его было трудно узнать. Заросший многодневной щетиной, исхудавший, со впавшими глазами, он был одет в поношенную солдатскую шинель, мятую конфедератку, обмотки и разбитые башмаки. Стас скользнул невидящим взглядом по сидящим ребятам и прошёл в дом. Те съёжились и тут же разбежались по домам. Несколько дней Стаса не было видно. Он отсыпался, отъедался и приходил в себя. То, чего так боялся Арон, произошло через четыре дня после возвращения Стаса. Арон увидел, как он полез на

чердак, и понял, что беды не миновать. Стас долго возился на чердаке, а потом вылез оттуда с перекошенным от ярости лицом. Выскочившего на его крик Мазю он схватил за плечо и, трясая изо всех сил, стал спрашивать, не лазил ли он на чердак. Мазя клялся, что он не лазил. Даже после нескольких увесистых затрещин он продолжал кричать, что он никуда не лазил и ничего не знает. На улицу выглянула Мазина мать Яня, и Стас оставил Мазю в покое. Потом он посмотрел со злобой в сторону ароновой квартиры, но ничего не сказал. Через полчаса он, одетый в свою довоенную одежду, ушёл из дома. Арон тут же побежал к Рувиму, чтобы посоветоваться, что теперь делать. Они обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что остаётся только одно - всё отрицать. Скорее всего никто из семьи Шиккульских ничего про револьвер не знает, иначе Мазя уже всё бы Стасу рассказал. Арон вернулся домой, но на душе у него скребли кошки.

В последующие дни Стас изредка и не на долго появлялся дома, а затем опять исчезал на несколько дней. Наконец он появился в новой шикарной одежде. По этому поводу в доме было организовано шумное застолье, продолжавшееся до поздней ночи. На следующий день Стас ушёл поздно. А утром следующего дня к дому подъехала крытая машина. Из неё выскочили Стас и несколько полицейских. Они ворвались в квартиру Кейлиных. Семья ещё спала. Полицейские принялись избивать Абрама Кейлина тут же около дверей, не обращая внимания на крики женщин и плач детей. Затем его выволокли на улицу в одном белье и вбросили в машину. Зашумел мотор, и машина с арестованным и полицейскими уехала. А Стас остался. Он подошёл к Арону и сильно схватил его за ухо.

-Ну, щенок, говори, куда дел револьвер? - рявкнул он.

-Какой револьвер? Я ничего не знаю! - закричал Арон.

-Сейчас я тебе напомню, какой! - и Стас принялся бить Арона наотмашь по лицу. Арон продолжал упрямо твердить, что он не знает, о чём идёт речь.

-Ничего, мы ещё с тобой поговорим! А вы – выметайтесь отсюда! Чтобы к вечеру вас здесь никого не было! - крикнул Стас женщинам.

Когда он ушёл, женщины побежали к соседкам Шиккульским с просьбой заступиться за них перед Стасом, но те не захотели с ними разговаривать. Тогда они, причитая, принялись собирать вещи. Арон позвал на помощь Рувима и Юзика, и они перенесли пожитки в сарай. Больше идти пока просто было некуда. Мебель, за исключением стола, нескольких стульев и кроватей пришлось оставить в доме. Вечером пришёл Стас, увидел, что квартира свободна, и довольно хмыкнул. В последующие дни он стал привозить и загружать в квартиру различное добро: антикварную мебель, люстры, картины, тюки с вещами - всё явно награбленное в богатых еврейских домах. А однажды Стас приехал на мотоцикле. Мотоцикл был старый и громко тархтел. С тех пор Стас ездил только на своём мотоцикле. Обычно, к вечеру он успевал напиться и неёся на бешеной скорости по улице. Услышав издали треск его мотоцикла, люди, особенно дети, разбежались во все стороны и прятались. А он подлетал на огромной скорости к воротам своего дома, выключал двигатель и падал набок. Мать и одна из сестёр выбегали на улицу и затаскивали его в дом. После этого закатывали во двор и мотоцикл. И так повторялось изо дня в день. Кейлиных Стас пока не трогал. Казалось, он о них забыл. Но Арон прекрасно понимал, что это не надолго. И оказался прав.

Однажды в первой декаде октября выдалось ясное осеннее утро. Стаса дома не было. Мать с сестричкой и тётей Брохой встали рано и ушли к родственникам посоветоваться, куда бы перебраться подальше от Стаса. Арон решил воспользоваться случаем и поиграть на скрипке. Он не играл уже больше месяца и очень от этого страдал. Он принялся играть. Сначала он играл потихоньку, потом громче, громче. Он так увлёкся, так самозабвенно

отдался музыке, что ничего вокруг себя не слышал и не замечал. Он очнулся, только когда рядом с сараем загрохотали тяжёлые сапоги, и в сарай ворвался Стас. Он вырвал у Арона из рук смычок и пытался отобрать скрипку. Но Арон вцепился в неё обеими руками и сопротивлялся из последних сил. Тогда Стас стал бить его смычком по пальцам. Смычок сломался, и Стас, отбросив его, принялся бить Арона кулаком по лицу. Арон выпустил скрипку. Стас ударил его скрипкой по голове, вытащил из сарая и поволок его, обливающегося кровью, к калитке. На помощь Стасу подбежали солдаты. Полуживого Арона вбросили в армейскую машину, стоящую на улице. Когда его тащили по улице, он как в тумане, увидел маму с сестричкой и тётку. Они закричали и побежали к машине, но их грубо отогнали прочь. Арона бросили на пол в переднем углу машины, где уже сидело несколько еврейских парней. Он тут же потерял сознание.

Машина быстро заполнялась молодыми ребятами, которых с разных сторон приводили солдаты. Одним из последних привели Рувима и посадили в углу у заднего борта. Арон всё ещё был без сознания, и Рувим его не заметил. Когда машина была полностью забита людьми, она тронулась и повезла ребят в неизвестность.

ПОБЕГ

Машины выехали на лесную дорогу. Ветви деревьев то и дело шуршали по брезенту. Рувим очнулся от воспоминаний и начал размышлять о сложившейся ситуации. Он отлично понимал, что эта поездка добром не кончится, и надо как-то спастись. Тела он не чувствовал, так как уже много часов просидел в одной и той же позе, а ребята в машине сидели так тесно прижавшись друг к другу, что повернуться было просто невозможно, да и сидящий прямо перед ним охранник этого бы не позволил. Рядом с Рувимом сидел парень, стонавший всякий раз, когда машина подпрыгивала на ухабе. Эти стоны сильно раздражали охранника и он пинал его своим сапогом.

Рувим потерял счёт времени. Он очень устал. Его мучила жажда, мочевого пузыря буквально разрывался на части. Машины несколько раз останавливались, и охранники по очереди выходили справить нужду. О ребятах никто не думал - либо терпи, либо делай под себя.

Наконец, охранник, сидевший рядом с Рувимом, решил пересесть к своему напарнику, чтобы было удобней болтать. Ребят передвинули, чтобы расчистить для него место, и Рувим смог повернуться и изменить позу. Парень, сидевший рядом с ним, тоже повернулся, и Рувим узнал его. Это был Мотл, живший на их улице. Они были знакомы, но он был старше Рувима на несколько лет, и у него была своя компания. Обычно при встрече они перекидывались несколькими словами, и этим их общение ограничивалось. Остальных соседей Рувим не знал.

Машины въехали в густой хмызняк и резко снизили скорость движения. Повидимому, впереди было какое-то препятствие, перед которым машины притормозили. Судя по шуму, машины одна за другой преодолевали это препятствие, после чего набирали скорость. Их машина тоже начала осторожно двигаться через препятствие. Вдруг раздался треск, и машина резко накренилась. Водитель, пытаясь исправить положение, сделал несколько неудачных манёвров, в результате которых машину развернуло поперёк дороги. Она съехала передними колёсами на заболоченный берег ручья. В брезент над головой Рувима упёрся толстый сук стоящего у дороги дерева. Офицер, сопровождавший машину, водитель и охрана

выбрались из машины и собрались у кабины, обсуждая ситуацию. Рувим мгновенно сообразил, что второго такого благоприятного случая может и не представиться. Он привстал, высунулся из машины, уцепился за сук и повис на нём. Затем, перебирая руками, он добрался до ствола дерева, потихоньку спустился с него на землю и быстро пополз в находящиеся рядом кусты. Вслед за ним таким же образом выбрался и Мотл. Охрана была поглощена своими заботами и их побег не обнаружила. Стараясь не шуметь, Рувим и Мотл побежали прочь от стоящей машины. Пробежав минут пятнадцать, они выбрались на опушку леса. Вдали открылась панорама какого-то города.

-Это Люблин, - сказал Мотл, - Как-то мы с родителями ездили сюда к родственникам. Через некоторое время ребята услышали шум маневрирующей и отъезжающей машины. Повидимому, исчезновения мальчиков не заметили, или скорее, охрана решила не поднимать шума, чтобы не иметь лишних неприятностей от начальства.

Теперь можно было перевести дух. Рувим так никогда и не узнал, что рядом с ним в машине находился его лучший друг Арон.

Мальчики спрятались в кустарнике и принялись обсуждать обстановку.

-Что будем делать, Мотл? - спросил Рувим.

-Сначала надо где-то попить, и потом я пойду домой.

-А мне домой нельзя. Проклятый Стас тут же меня опять поймает, да и семье не поздоровится. Надо идти на Восток. Отец Арона говорил, что только Советы смогут остановить фашистов.

-Нет, Рувим, ты как хочешь, а я пойду домой. Там осталась вся моя семья. Что будет, то будет. Но сначала надо напиться. Где-то рядом есть вода. Я видел, наша машина сползла в ручей. Он где-то рядом. Идём поищем.

Ребята встали и начали осматриваться. В метрах семидесяти от них виднелись характерные заросли кустарника. Ребята пошли в их сторону и вскоре услышали лёгкое журчание воды. Это был неширокий чистый ручей с прозрачной водой и пологим песчаным дном. Они долго пили холодную вкусную воду и не могли напиться. Помылись. Мотл смыл кровь с разбитого лица и сразу повеселел.

- Эх, сейчас бы что-нибудь пожевать!

-Слушай, Мотл! У меня есть немного денег. Я не успел купить сахар. На них мы сможем купить немного хлеба. Давай, пойдём в город. Здесь совсем недалеко.

- Нет, не пойду. Я хочу домой. Там все меня уже оплакали.

- А я в Лодзь идти не могу. Пойду в Люблин, куплю еды и раздобуду какую-нибудь кружку или банку для воды.

- Ладно. Тогда, Рувим, прощай. Счастливого тебе пути!

- И тебе удачи, Мотл!

Ребята обнялись и разошлись в разные стороны. Навсегда.

Дело шло к вечеру. Рувим шёл в сторону города, стараясь держаться опушки леса. Неподалёку начинались поля, на которых уже были завершены уборочные работы. Рувим обратил внимание, что кое-где в земле оставались невыкопанные овощи. Ему удалось выдернуть несколько крупных морковок. А вскоре он увидел неподалёку от опушки леса стожок сена. Это поменяло его планы. Он решил не идти, на ночь глядя, в город и вернулся к ручью. Там он опять помылся, почистил и помыл морковки, благо складной ножик был у него всегда с собой. Потом он поел, пошёл и забрался в стожок.

-Жалко, что Мотл меня не послушал. Сейчас бы лежали вместе. Сумеет ли он добраться до Лодзи? Как там в Лодзи? Как родители, сёстры? Им, наверно, уже всё известно. Плачут. Но возвращаться нельзя. Стас ни ему, ни им покоя не даст.

Так рассуждая, Рувим погрузился в тяжёлый сон. Проснулся Рувим от какой-то внутренней тревоги. Было холодновато. Над землёй стелился белесый туман. Он вернулся к ручью, помылся, съел оставшуюся морковку и стал размышлять. С едой он как-нибудь устроится. На полях всегда можно будет что-нибудь откопать. А вот с водой могут быть проблемы. Надо приобрести какой-нибудь сосуд. И спички не помешали бы. Придётся идти в город и попытаться купить их на рынке. Денег очень мало, на всё не хватит. Значит надо купить самое главное. Пока он так думал, солнце встало, туман рассеялся, и он отправился в путь. Шёл легко, настроение было приподнятое. У въезда в город он встретил телегу, гружённую мешками, на которой сидел крестьянин. Рувим окликнул его и спросил по-польски, как пройти на рынок. Тот осмотрел его с головы до ног и ничего не ответил. Рувим пошёл дальше и вошёл в город. Было раннее утро и на улицах ещё никого не было. Так Рувим шёл по безлюдным улицам, пока он не свернул на одну из главных улиц города. Там он сразу наткнулся на группу немецких военных. Стоящий среди них офицер с интересом посмотрел на Рувима и жестом приказал подойти. Бежать было поздно. Пришлось подчиниться.

-Юде?- спросил офицер.

-Нет, пан офицер. Я поляк. Можете спросить у тех мальчишек,- ответил Рувим по-польски и указал на стоящих неподалёку двух польских ребят приблизительно одного с ним возраста, подмигнув им при этом.

- Ты не подмигивай. Лучше посмотри на свою рожу. У тебя на лбу написано, что ты жид, – ответил один из них.

Офицер всё понял, засмеялся и отдал команду одному из солдат. Тот схватил Рувима за шиворот и потащил за собой. Вскоре они подошли к казарме. Солдат отобрал у Рувима пальто и шапку, вручил ему ведро и швабру, показал, где взять воду, и приказал мыть полы.

Рувим старательно принялся за дело. Солдату надоело наблюдать за его работой, и он ушёл в соседнее помещение. Увидев, что за ним никто не наблюдает, Рувим бросил швабру и выскочил с ведром на улицу. Около казармы никого не было. Тогда он оставил ведро у входа и пустился бежать, куда глаза глядят. Ему пришлось долго плутать по улицам, пока он сумел выбраться из негостеприимного города. После всего пережитого Рувим решил больше не искушать судьбу и пошёл побыстрее прочь, стараясь двигаться на Юго-Восток

Солнце поднялось уже высоко и было не очень холодно, хотя Рувим лишился пальто и шапки. Он шёл, стараясь избегать людных мест. Ему удалось откопать несколько бурачков и морковок. На обед и ужин этого ему хватало, поэтому он решил картошки пока не подбирать, так как спичек не было, а есть сырую картошку он не решался.

Если с едой вопрос был как-то решён, то с водой дело было гораздо хуже. Он с утра ничего не пил, и во рту у него пересохло. Как на зло, не попадалось ни одного водоёма. Но делать было нечего. Рувим забрался в кустарник, почистил бурачок, пару морковок и поел всухомятку. Еда его немного взбодрила. Рувим пошёл дальше. Ближе к вечеру он наткнулся на водоём. Это было небольшое озерцо, заросшее у берегов осокой. неподалёку были видны два стога сена. Рувим решил здесь и заночевать, так как становилось холодно, да и пристанища дальше можно было и не найти. У озера оказались топкие берега. Поэтому пришлось разуться и закопать брюки, чтобы добраться до чистой воды. Вода была очень холодной, и пока Рувим пил и мылся, он окончательно замёрз. Оставалось опять горько сожалеть, что он так и не раздобыл никакого сосуда для воды. Перекусив тем, что ему Бог

послал, и оставив на завтрак одну морковку, окончательно продрогший Рувим закопался в сено и заснул.

Ночью он часто просыпался, вспоминая события минувшего дня, потом опять погружался в тяжёлую дрему. Ему снился солдат, который гнался за ним по улицам города, протягивая к нему цепкие пальцы.

КОРРИДА

Рувим и на этот раз проснулся рано. Было очень холодно. Над озером стелился густой туман. Не хотелось покидать тёплое место и вылезать из стога наружу. Очень хотелось пить, но о том, чтобы лезть опять в холодную воду, не могло быть и речи. Есть всухомятку не хотелось, и Рувим решил идти натошак в надежде где-нибудь по дороге отыскать воду. Шел он быстро, почти бежал, чтобы как-нибудь согреться. После нескольких часов ходьбы Рувим увидел какие-то строения и пошёл в их сторону. Жажда и холод гнали его поближе к жилью. Это оказалась крупная усадьба с большим скотным двором. Из раскрытых ворот хлева доносилось коровье мычание. Чуть подальше у ворот какого-то дома Рувим увидел колодец с воротом и высоким срубом. На крышке колодца стояло ведро, привязанное цепью. К колодцу вёл неширокий проход между высоких плетней. Никого вокруг не было, и Рувим смело пошёл к колодцу, надеясь наконец вволю напиться.

Он уже вошёл в проход между плетнями, когда услышал за спиной сердитое фырканье. Повернувшись, он увидел огромного племенного быка, который сверкал глазами и сердито фыркал. Потом, заревев, он ринулся на Рувима в атаку. Рувим помчался от него прочь в сторону колодца, бык за ним. Добежав до колодца, Рувим понял, что дальше бежать некуда. Впереди закрытые ворота, сзади его догоняет бык. Рувим круто свернул за сруб колодца. Бык проскочил мимо, но тут же развернулся и продолжил атаку. Рувим принялся бегать вокруг колодца. Быку было трудно разворачиваться в узком проходе, и Рувим успевал от него оторваться. Сначала это казалось забавным, но долго, конечно, такая беготня продолжаться не могла. Рувим выдохся, и надо было что-то предпринимать. Разбежавшись, Рувим ухватился за столб ворота колодца и вскочил на сруб. А оттуда перепрыгнул через плетень, ободрав о кол бедро и порвав на боку брюки. Бык остановился, не понимая, куда делся его враг. Потом, поревев, пошёл в сторону хлева. А Рувим, прихрамывая, побрёл через огород в противоположную сторону. Напиться ему, увы, опять не удалось.

Проклиная быка и свою горькую судьбу, Рувим пробирался по колдобинам к краю огорода. Однако, он был вскоре вознаграждён за перенесенные волнения. Прямо перед ним стояло огородное пугало, на которое изобретательные хозяева натянули старый балахон неопределённой формы и цвета, покрытый многочисленными латами, и не менее экзотичный картуз с надорванным козырьком. Рувим резонно решил, что ему эта одежда сейчас гораздо нужнее, чем пугалу, тем более, что тот сейчас стоит без работы. Правда, балахон был немного великоват, да и вид у него был не самый модный... Но зато Рувим сразу согрелся. Вздыхая, он натянул на себя и шапку, выдернул палку, на которой держалось пугало, и сразу стал похож на дервиша из сказок Шахерезады. Затем он продолжил свой путь, грызя на ходу морковку.

После нескольких часов ходьбы измученный Рувим увидел вдалеке какой-то городок. Встречная крестьянка с недоумением уставилась на Рувима. Пройдя мимо, она долго оглядывалась и качала головой.

Жажда мучила Рувима так нестерпимо, что он потерял всякую осторожность и решительно вошёл в город. Проходя по одной из улиц, он наткнулся на группу подростков. Увидев

Рувима, они стали громко хохотать и показывать на него пальцами. Рувим постарался побыстрее пройти мимо них, не ввязываясь в конфликт- слишком велико было неравенство сил. Однако, вся ватага устремилась за ним. Тогда, забыв про боли в ноге, он побежал по улице и даже сумел оторваться от преследователей. Оглядываясь, он видел, как с криком и улюлюканьем они бежали за ним уже на значительном расстоянии. Но тут к преследователям присоединились откуда-то взявшиеся собаки. Они быстро догнали Рувима, и ему пришлось остановиться, и, пятась, отбиваться от собак палкой. Естественно, что отступление его при этом резко замедлилось, и уже скоро подростки сумели его догнать и присоединились к собакам. Не решаясь вступить в открытый бой, они принялись забрасывать Рувима камнями и кусками земли. Рувим прижался спиной к воротам большого дома и стал держать оборону. Положение его было незавидным. Он был вынужден одновременно отбиваться от собак и уворачиваться от летевших в него камней. Это ему не всегда удавалось. Постепенно его тело и голова покрылись ссадинами и шишками. Он совершенно не знал, что предпринять. Неожиданно у него за спиной открылась калитка, и на улицу вышел пожилой человек в чёрном одеянии. Судя по всему, это был священнослужитель. Его появление разрядило обстановку. Атаки сразу прекратились. Даже собаки угомонились. Подняв руку, он принялся стыдить нападавших, призывая их к благоразумию. Рувим был, как в тумане, и совершенно не воспринимал, что он говорил. Речь священника произвела на подростков нужное впечатление, и они, ворча, неохотно повернули назад. Священник, поманив Рувима рукой, вошёл во двор. Рувим послушно пошёл за ним, оставив палку на улице. Не говоря ни слова, тот вынес ему кусок хлеба и, проведя через двор к противоположному выходу, выпустил на параллельную улицу.

Медленно приходя в себя, Рувим побрёл вдоль по улице. Пройдя один квартал, он вышел на перекрёсток и наткнулся на подходящую к нему колонну. Около сотни мужчин - евреев шли понуро, подгоняемые вооружённой охраной. Рувим растерянно застыл на месте. Поровнявшийся с ним охранник осмотрел его с головы до ног и молча втолкнул в идущую колонну. Всё это произошло так неожиданно и быстро, что Рувим даже не успел испугаться. Он только растерянно смотрел по сторонам и пытался сообразить, что же теперь делать. Постепенно он успокоился и разобрался в обстановке. Колонна приближалась к центру города. На улице было много людей. Впереди на перекрёстке стояла группа женщин, с любопытством разглядывающих проходящую колонну. За ними были видны телеги. Очевидно, они пропускали колонну, чтобы потом проехать к рынку, который находился по другую сторону перекрёстка. Рувим отметил для себя, что бежать в сторону рынка опасно - могли поймать местные жители. В это время охранник, идущий рядом с Рувимом, прибавил шаг и оказался впереди Рувима на несколько шеренг. Это было очень кстати. Когда Рувим поровнялся с перекрёстком, он неожиданно рванулся в сторону - прямо на стоящих у перекрёстка женщин. Увидев несущееся на них страшное чудовище с развевающимися полами балахона, женщины с визгом расступились, и Рувим беспрепятственно пронёсся мимо них, проскочил между стоящими телегами и побежал по улице, петляя, как заяц. Это было так неожиданно для всех, что охрана не сразу отреагировала на его рывок. К тому же, стоящие на перекрёстке люди и телеги мешали прицельной стрельбе. Это позволило Рувиму выиграть несколько важных мгновений. Он слышал, как сзади раздались крики и загремели выстрелы, но продолжал бежать, не оборачиваясь. Добежав до ближайшего перекрёстка, он свернул на соседнюю улицу и продолжал бежать из последних сил, поворачивая на каждом перекрёстке. Только оказавшись на какой-то тихой безлюдной улице, он смог перевести дух. Силы сразу оставили его. Он вдруг почувствовал, как он устал и как у него болит нога и всё

тело. Дальше он побрёл с большим трудом, стараясь побыстрее выйти из города. Какая-то сердобольная женщина показала ему дорогу. С удивлением он узнал, что находится не в Крашнистае, как он предполагал, а в Крашнике. Выходит, он где-то повернул не туда и пошёл не на Юго-Восток, как рассчитывал, а на Юго-Запад. Это серьёзно нарушало его планы и меняло маршрут движения. И всё же, подумав, Рувим решил двигаться по-прежнему на Юго-Восток, чтобы выйти напрямик к границе.

ПОЛЁТ

Кое-как выбравшись из города, Рувим пошёл по просёлочной дороге, стараясь обходить людные места. Засунув руку в карман балахона, он с радостью обнаружил забытый кусок хлеба, подаренный ему священником. Это несколько подняло его настроение. А вскоре он увидел невдалеке небольшой стожок. Закопавшись в сено, он медленно жевал хлеб и чувствовал, как тело охватывает блаженное тепло и оно наливается тяжестью. Потом он поспал пару часов. После бурных событий этого дня вообще не хотелось вылезать наружу, но очень хотелось пить, и жажда заставила его идти дальше. Было по осеннему холодно. И Рувим поблагодарил в душе Судьбу за то, что она вовремя послала ему этот безобразный балахон, иначе он бы попросту замёрз. А вода всё не попадалась. Смеркалось, и пришлось выйти на дорогу. Впереди показалось село. Рувим решил попытаться в темноте пробраться к ближайшему колодцу. На окраине села его обогнала машина. Она остановилась как раз у колодца. Было слышно бряцанье цепи о металлическое ведро и плеск воды. Повидимому, водитель машины набирал воду. В это время из ближайшего дома вышли люди. Они о чём-то договаривались с водителем. Затем из дома вышли ещё две женщины с большими тюками и полезли в машину. Рувима как-будто кто-то толкнул в спину. Когда женщины забрались в машину, он залез туда же вслед за ними и юркнул в задний угол, забившись между тюками. Женщины, занятые своим обустройством, не обратили на него внимания. Кузов был заполнен какими-то людьми, но они его в темноте не заметили. Машина вскоре тронулась, и Рувим, уютно устроившись между тюками, заснул под мерное покачивание кузова.

Проснулся он от громкого крика. Было уже совсем светло. Толстуха-соседка показывала на него пальцем и громко визжала, как - будто увидела крысу или другое страшное чудовище. Пассажиры повскакивали со своих мест и с изумлением уставились на Рувима. Это оказались демобилизованные солдаты бывшей польской армии, отпущенные немцами и возвращавшиеся домой в южные районы Польши. Увидев Рувима и поняв причину паники, они принялись громко хохотать.

-Смотри ты, какой шустрый жидёнок!- сказал один из них, - А ну-ка, братцы, помогите! Он и пришедший ему на помощь дюжий солдат вытащили обомлевшего Рувима из-под тюков, раскачали и под общий смех и напутственные крики остальных пассажиров вышвырнули его на полном ходу из машины. Рувим едва успел инстинктивно сгруппироваться. Это его спасло. Он упал на склон дороги, заросший травой, и скользнул в кювет. При этом, он ударился боком, сильно ушибся, но, к счастью, ничего не сломал. Несколько мгновений он не мог дышать. Потом дыхание вернулось к нему. Он дышал с большим трудом, с хрипом и стонами. Наконец ему удалось откашляться, и он кое - как смог встать. Ноги его не слушались, бок саднил, тело ныло. С большим трудом он добрался до ближайших кустов и опустился на землю. Однако трава была мокрой от утренней росы и очень холодной. Пришлось вставать. Он побрёл по мокрой траве вдоль дороги. Выбраться на

дорогу по крутому склону не хватало сил. Но постепенно боль притупилась и дышать стало полегче.

Наконец он наткнулся на тропинку, которая вывела его на дорогу, где он сразу же наткнулся на немца-мотоциклиста, возившегося с неисправным мотоциклом. Увидев Рувима, немец явно обрадовался.

-Подойди сюда и помоги мне,- сказал он по-немецки,- Не бойся, я ничего тебе плохого не сделаю.

Рувим его понял и подошёл. Бежать он всё равно не мог. Поэтому, он стал добросовестно выполнять все указания мотоциклиста. И постепенно он увлёкся, и работал уже не за страх, а за совесть, с большим удовольствием. Рувим всегда был толковым и умелым мальчиком, и работа у него спорилась. Немец был очень доволен. Он проверил мотоцикл и, убедившись, что всё в порядке, улыбнулся. Похлопав Рувима по плечу, он достал из сумки большой кусок хлеба и отдал его Рувиму, потом подумал и добавил несколько кусков сахара. Потом ещё подумал, посмотрел на ободранную физиономию Рувима и достал большую банку мясных консервов. Надрезав крышку ножом, он отдал банку Рувиму. После этого, он махнув на прощание рукой, сел на мотоцикл и уехал. Рувим остался на дороге, прижимая к груди драгоценные подарки. Это событие как-то взбодрило его, придало новые силы. Не обращая внимание на боль в боку и спине, он пошёл по дороге, готовый при первой же опасности соскочить в кювет и спрятаться в кустах.

Как это часто бывает в жизни, за одной удачей последовала другая. Уже через полчаса ходьбы Рувим подошёл к ручью. Он забрался в прибрежные заросли кустарника и стал с наслаждением пить. Он никак не мог напиться. Наконец он заставил себя оторваться от воды и впервые за несколько дней помылся, и с помощью донного песка оттер запачканные машинным маслом руки. Потом, примостившись на стволе наклонившегося над ручьём дерева, принялся с наслаждением есть хлеб, намазывая на него складным ножом мясные консервы. Съев несколько маленьких кусочков, он с трудом заставил себя прекратить еду, закусив куском сахара и запив водой. Только сейчас Рувим почувствовал, как он устал и измотан душой.

Немного посидев, он решил поискать место для ночлега. Он пошёл, стараясь держать ручей в поле зрения. Ему повезло и на сей раз, поскольку ручей тек в нужном ему направлении и не нужно было далеко отклоняться от выбранного маршрута. Через несколько часов ходьбы Рувим вышел к окраине села, за которым виднелись две большие скирды соломы. Он уже было направился к ним, когда услышал злобный лай собак и испуганный визг. Он увидел, что стая собак гонит от села рыжую перепуганную собачонку, причём прямо на Рувима. Схватив валяющуюся на дороге ветку, Рувим отогнал собак. Спасённая собачонка прижалась к его ногам и, заглядывая ему в лицо и повизгивая, энергично закрутила хвостом, как будто жалуясь на свою нелёгкую собачью судьбу. Рувим невольно подумал, что этот пёс удивительно напоминает его самого - такой же одинокий и гонимый.

Пёс стал тереться о ноги Рувима, а он почесал ему за ухом. Потом, вздохнув, бросил ему кусок сахара. Голодный пёс мигом проглотил сахар и лизнул Рувиму руку. Рувим повернулся и пошёл к ручью. Пёс побежал за ним. Рувим попил воды и помылся. Пёс тоже попил воды. Рувим присел на пригорок возле ручья. Пёс сел напротив, преданно глядя на Рувима, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону. Рувим достал хлеб, отрезал несколько кусочков, намазал их консервами, кусочек взял себе, кусочек отдал псу. Тот мгновенно проглотил свой кусок и устался на Рувима. Рувим ел не торопясь, стараясь растянуть удовольствие - на двух едоков хлеба было маловато. Съели ещё по одному куску. Потом Рувим подумал и дал псу

ещё маленький кусочек. Остальное он решил оставить на утро. Запив ужин водой, Рувим стал размышлять, как бы назвать собаку. Хотелось, чтобы имя было коротким и необычным. Пёс был похож на лису, с такой же остроносой рыжей лукавой мордой. Поэтому Рувим решил назвать пса Фуксом, что значит - лиса. Коротко и красиво.

-Фукс, Фукселе! - позвал Рувим.

Пёс радостно тявкнул в ответ и энергично закрутил хвостом. Очевидно, это имя ему тоже понравилось. Довольные друг другом, они пошли к скирде. Рувим закопался в солому, а Фукс тут же пробрался к нему и прижался к его боку. Им стало тепло и хорошо, и они мгновенно уснули. Ночью прошёл сильный ливень. Порывы ветра вырывали из скирды клочья соломы, но они этого не слышали. Рувим во сне всхлипывал, а Фукс потихоньку повизгивал. Наверное им снились события минувшего нелёгкого дня, и они ещё теснее прижимались друг к другу. Два одиноких затравленных существа нашли друг друга, и им теперь было хорошо.

ПЕРЕПРАВА

Рувим проснулся от шуршания соломы. Лёгкий шелест и писк сменялись довольным урчанием Фукса. Рувим понял, что Фукс оправдывает свою кличку и ведёт удачную охоту на мышей. Рувим выглянул наружу. Было пасмурное утро. Дождь уже кончился, но было холодно и сыро. По небу бежали серые тучи. Вылезать не хотелось, и Рувим решил поспать ещё немножко - пусть подсохнет. Проснулся Рувим от того, что Фукс лизал ему лицо и нетерпеливо повизгивал. Рувим вспомнил, что Фукс совсем недавно ел мышей, и попытался его оттолкнуть. Тот решил, что с ним играют, и стал наскакивать на Рувима с ещё большим напором. Рувим эту игру принял, и они стали барахтаться в соломе, забыв всякую осторожность. Рувим уже и не помнил, когда он так весело и беззаботно смеялся. Наконец он выбрался из скирды, отряхиваясь и вытаскивая соломинки из волос, а Фукс прыгал вокруг него, норовя лизнуть его в лицо. Потом они вместе пошли к ручью. Умываясь, Рувим пожалел, что сейчас не лето, и он не может искупаться. Всё последнее время он спал в одежде, и тело сильно чесалось. Рувим позавтракал остатками хлеба и консервов. Долю Фукса он снизил в три раза, справедливо считая, что он уже неплохо позавтракал мышами. Остатками хлеба Рувим протёр стенки консервной банки, и отогнув крышку, решил, что получилась прекрасная кружка для воды. Теперь можно было двигаться дальше. Было довольно холодно, но к холоду Рувим уже притерпелся. Присутствие Фукса позволяло Рувиму смело идти по дороге. Пёс весело бегал вокруг него и своевременно предупреждал о приближении посторонних людей. Рувим успевал покинуть дорогу и спрятаться. Но всё же он старался не попадаться людям на глаза и обходил стороной всякое жильё. Только однажды Рувим рискнул обратиться к ехавшему навстречу крестьянину. Это произошло, когда он заблудился, обходя большое село, и не знал, по какой дороге им следует идти дальше. И крестьянин не обманул. Он показал дорогу на Юго-Восток и сказал, что до границы уже недалеко - всего несколько дней пути. Но там его ждёт большая река. Рувим, вздохнув, пошёл дальше.

Идти ему было всё тяжелее и тяжелее. Башмаки его прохудились и были постоянно мокрыми и покрытыми глиной из-за ходьбы по полю и мокрой траве. Но в остальном ему сопутствовала удача. Он сумел накопать, не отходя далеко от дороги, овощей столько, сколько мог унести. Несколько раз ему попадались на пути чистые ручьи. Фуксу тоже везло. Он удачно охотился на грызунов, шныряя по придорожным кустам, и был крайне доволен своей жизнью. Рувим с удивлением обнаружил, что он охотно ест морковь и даже сырую картошку.

Они опять переночевали в стогу сена и к концу второго дня, как и предсказывал крестьянин, вышли к реке. Дорога вела через мост. Рувим издали заметил, что мост охраняется немецкими солдатами. Пытаться пробраться через мост было бы чистым безумием.

Рувим спустился к реке и стал осматривать берег в поисках брода. Но река была широкой, явно глубокой и имела быстрое течение. Переплыть её со скромными способностями Рувима, да ещё при таком холоде нечего было и думать. Рувим долго и безуспешно ходил вдоль реки и окончательно выбился из сил. Он сел на пригорок возле дороги, идущей вдоль реки, и задумался. Голодный Фукс пытался обратить на себя его внимание, но ничего не добившись, побежал поискать какую-нибудь добычу. Рувим был в отчаянии. Все надежды последних дней рушились. Как перебраться через реку, он не знал. В голову приходили дикие идеи - одна нелепей другой. Он так задумался, что не услышал, как подъехала телега. И только, когда его окликнули по-польски, он поднял голову и увидел воз, гружённый соломой, на котором восседал старый крестьянин. Старик увидел глаза Рувима, полные отчаяния, и подошёл к нему.

-Что с тобой случилось, хлопчик?- спросил он.

В голосе старика было столько неподдельного участия, что Рувим впервые за много дней преследования и постоянной смертельной опасности, не выдержал и разрыдался, как ребёнок. Он плакал навзрыд, а старик гладил его заскорузлой рукой по голове и вздрагивающей спине, и говорил:

- Ну, хватит, хватит. Успокойся.

Старик и сам недавно пережил большое горе. Его единственный внук был ранен в первые дни войны и вскоре умер от ран и отсутствия ухода в лагере для военнопленных. Дочь, узнав о смерти сына, тяжело захворала, и жена перебралась к ней на хутор, чтобы поддержать её в трудное время. Старику пришлось вести хозяйство одному. Увидев Рувима, он всей душой откликнулся на его беду. Горе разрушило религиозные и национальные барьеры. Встретились просто два несчастных человека - старик и мальчик - каждый со своим горем. Виновниками этого были одни и те же люди - фашисты, которые пришли и превратили жизнь Польши в Ад. Рувим наконец затих. И старик спросил:

-Ну, расскажи, какая беда с тобой приключилась?

И Рувим коротко рассказал о своих злоключениях. Старик слушал, не перебивая. Когда Рувим кончил, он спросил:

-Как это тебя сюда занесло? Из Люблина нужно было идти мимо Замостья и Томашова Любецкого. Это самый короткий и удобный путь к границе.

Рувим объяснил, что сюда его завезла машина, когда у него не было сил идти.

-Ладно, попробую тебе помочь, но дело трудное и опасное, и спешить здесь никак нельзя. Ну что ж, утро вечера мудренее. Поехали со мной.

В это время из кустов с лаем выскочил Фукс. Угадав, что старик - друг, стал прыгать вокруг и крутить хвостом.

Рувим решил послушать совета доброго старика и сел рядом с ним на скамеечку, а Фукс побежал за телегой. Они быстро добрались до хутора. Старик открыл ворота, и они въехали во двор. Их встретил большой лохматый пёс. Увидев чужую собаку, он грозно зарычал. Но старик цыкнул на него, и он послушно лёг возле своей будки. Старик пригласил Рувима в дом. Фукс робко шмыгнул за ними. Старик недовольно посмотрел на него, но прогонять не стал. Дом был сложен из толстых брёвен. Третью комнату занимала печь. У противоположной стены стояла большая кровать. В углу висели образа. Деревянный стол был покрыт домотканной скатертью, на которой стояла керосиновая лампа. На стенах висели портрет хозяев дома и

множество других фотографий. Около стола и у печи стояли деревянные лавки. Кроме того, в комнате были комод и сундук. Рувим это всё невольно отметил, сидя на лавке возле печи и с любопытством разглядывая комнату. Он подумал, что в доме живут аккуратные и хозяйственные люди.

Старик разжёг печь и поставил на огонь два больших горшка с водой. Потом он принёс в комнату большое деревянное корыто. Когда вода согрелась, он поставил горшки с кипятком на лавку возле корыта, принёс ведро с холодной водой и велел Рувиму раздеваться.

-Вещи бросай в угол. Залезай в корыто и мойся, а у меня дел полно.

Старик вышел из комнаты, и Рувим услышал вскоре куриное кудахтанье и коровье мычание. Не заставляя себя долго ждать, Рувим быстро разделся и стал с наслаждением мыться. Фукс крутился вокруг корыта, всё время норовя тоже туда залезть. Рувиму с трудом удавалось его отгонять. Хозяин вернулся в комнату, держа в руках куриные яйца. Затем он полез в сундук и достал оттуда бельё из домотканного полотна.

- Ну-ка, примерь. Это от внука осталось.

Рувим оделся. Он был небольшого роста, и вещи были ему велики. Поэтому рукава и штанины пришлось подвернуть.

Старик поставил на стол миску со сметаной, положил кусок хлеба и сказал:

- Ешь, не стесняйся.

Фуксу он поставил плошку с молоком. После еды он отправил Рувима спать на печь, а сам лёг на кровать. Фукс примостился возле печи под лавкой. Спал Рувим впервые за последнее время спокойным, безмятежным сном. Утром он проснулся от вкусного запаха. В печи на большой сковороде шкварчала яичница по-крестьянски. В комнате никого не было. Рувим выбрался из комнаты во двор. Здесь его радостно встретил Фукс. Он стал весело прыгать вокруг Рувима, стараясь лизнуть его в лицо. Хозяйский пёс спокойно наблюдал за ними из своей будки. Подошёл хозяин и позвал Рувима в дом. Он достал для Рувима штаны, рубаху, куртку. Рувим оделся. Хотя всё было великовато, но носить это вполне было можно. Тем более, что и выбирать то было не из чего. Вещи были чиненными, с заплатами, но чистые, и Рувиму они понравились. Затем старик принёс башмаки. Они тоже были Рувиму велики, но его собственные башмаки пришли в полную негодность. Так что и здесь выбора не было. Наряд завершала кепка. Вот она то была Рувиму впору. Старик критически осмотрел Рувима и остался недоволен. Издалека Рувим ещё мог сойти за польского мальчишку, но только очень издалека.

-Ладно,-огорчённо сказал старик,- Садись за стол. Надо перекусить.

Они поели яичницу, запили молоком. Потом хозяин пошёл готовить телегу.

-Пора. Собаку придётся оставить здесь. Ты за неё не бойся, ей будет здесь хорошо. Ну, прощайтесь.

Рувим обнял Фукса. Тот, повизгивая, лизал ему лицо. Казалось, что он всё понял и тоже оплакивает разлуку. Старик показал Рувиму место в телеге. Рувим залез под сиденье, и старик завалил его соломой, затем придвинул остальную солому вплотную к сиденью, сел сам, и воз выехал со двора. Лёжа под сиденьем, Рувим ещё долго слышал жалобный вой Фукса.

Телега приблизилась к мосту. Старик ещё раз осмотрел критически своё хозяйство и тихо сказал Рувиму:

- Теперь лежи тихо, что бы ни случилось, и не шевелись. Иначе нам обоим будет худо. Ну, с Богом.

Телега въехала на мост. Рувим услышал отрывистые команды. Телега остановилась. Солдаты подошли к телеге. Что говорил им старик, Рувим не разобрал. Потом звякнули стаканы и

раздалось бульканье наливаемой жидкости. Рувим догадался, что старик угощает солдат самогонкой. Утром Рувим видел, как старик прятал под соломой большую бутылку с самогонкой. Угощение солдатам понравилось. Они громко смеялись и подтрунивали над стариком. Потом они для порядка лениво покололи соломой штыками и разрешили ехать. Проехав несколько минут, телега свернула за поворот дороги. Старик окликнул Рувима:

-Ну, вылезай! Счастлив наш Бог! А теперь пора прощаться. Иди прямо, граница уже недалеко. А у меня дела. Поеду, заберу старуху, небось, загостилась.

Он протянул Рувиму узелок с едой, махнул рукой, сел в телегу и, не оборачиваясь, поехал в противоположную сторону. Рувим долго смотрел ему вслед, но старик так больше и не обернулся.

Рувим пошёл в указанном направлении. В узелке оказалось несколько яиц, хлеб и шматок сала. От сала Рувим решил не отказываться.

Настроение у Рувима было приподнятое. Он шёл быстро и весело. К вечеру он догнал группу беженцев. Рувим сразу понял, что они - его товарищи по несчастью. Это была молодая семейная пара с тремя маленькими детьми. Как выяснилось вскоре, старшему мальчику было шесть лет, средней девочке - четыре, и младшему мальчику - три года. Мать несла младшего сына, а отцу пришлось нести и нехитрые пожитки, и одного из старших детей - по очереди. Второй ребёнок в это время должен был идти самостоятельно, но очень скоро он уставал, и приходилось идти пешком другому ребёнку. В итоге, движение осуществлялось очень медленно, и все выбились из сил. Рувим предложил им свою помощь, и они с благодарностью её приняли. На ходу познакомились. Рувим узнал, что отца семейства зовут Натаном, а его жену - Фирой. Они сказали ему, что идут по рекомендации друзей на пограничный хутор к надёжному человеку, который поможет им перейти границу. Они пригласили Рувима к ним присоединиться. И он, естественно, не отказался.

ЗНАКОМСТВО

Рувиму было доверено нести девочку. Когда он узнал, что её зовут Лея, Рувим растрогался, так как это напомнило ему его младшую сестру Лию. Сидя на руках у Рувима, девочка доверчиво заглядывала ему в глаза и прижималась лицом к его щеке. Это переполняло душу Рувима теплом и давало ему силы нести этот нелёгкий для него груз.

Помощь Рувима существенно ускорила движение и позволила отойти с дороги на безопасное расстояние. Причём весьма своевременно. Они приблизились к границе, и на дороге всё чаще стали появляться машины и мотоциклы, движущиеся в обе стороны.

Когда совсем стемнело, они подошли наконец к желанному хутору. Натан один прошёл во двор и осторожно постучал в окно. Переговорив с хозяином, он позвал остальных. Хозяин спрятал их на сеновале и сказал, что переведёт их через границу следующей ночью. А пока они должны сидеть тихо и нигде не показываться. Позже он принёс молока для детей и немного хлеба. Но все были настолько уставшими, что сразу же заснули. Ночью их никто не тревожил, и они хорошо выспались. Встали поздно, перекусили. До ночи оставалось много времени, и его нужно было как-то скоротать. Пока Фира возилась с детьми, Рувим с Натаном рассказали друг другу о своих злоключениях.

Натан Замойский был потомственным закройщиком. Его родители много лет жили и работали в Варшаве. Они выполняли исключительно эксклюзивные заказы и очень гордились тем, что никогда не шили двух одинаковых нарядов. Тонкий вкус и высокое качество работы

привлекало к ним многих высокопоставленных и богатых клиентов. К сожалению, состояние здоровья жены вынудило их покинуть Варшаву и перебраться к ней на родину в город Кросно на юге Польши. Но и там семейство Замойских быстро освоилось. Они основали фирму «Моисей Замойский и сын», которая очень скоро завоевала в городе ведущие позиции. Родители продолжали выполнение эксклюзивных заказов для знати. А Натан шил для представителей среднего класса. Авторитет фирмы сильно укрепляли визиты важных варшавских клиентов, периодически наезжавших из столицы к мастеру, равноценной замены которому они так и не смогли найти. Такое быстрое возвышение новичков, естественно, вызвало зависть и люютую ненависть их собратьев по цеху. Они инспирировали появление ряда клеветнических статей в местных газетах, а так же нападения на их ателье, сопровождавшиеся битьём витрин. Но клиентки Замойских не дали их в обиду. С помощью своих влиятельных мужей они пресекли скандал. Положение Замойских после этого только укрепилось.

Вскоре после переезда из Варшавы приятель затащил Натана на собрание социалистического кружка. Там Натан обратил внимание на симпатичную девушку и стал посещать кружок уже ради неё. Постепенно они познакомились, составляли и распространяли вместе листовки, проводили агитационную работу. Затем они стали встречаться и вне кружка, а попозже поженились. Нужда в дальнейшем посещении кружка отпала, тем более, что работа и семейные заботы отнимали много времени и сил. Однако полностью связи с организацией они не порывали, помогая ей периодически деньгами.

С началом 1939 года удача отвернулась от семьи Замойских. Сначала зимой умерла мать. Отец тяжело перенёс её смерть. У него начались сердечные приступы, и он фактически отошёл от дел. Натану пришлось работать за троих.

В августе - сентябре по городу прокатились еврейские погромы. Старые враги Замойских решили взять реванш. В середине сентября погромщики ворвались в дом и ателье Замойских, уничтожили всё оборудование, выбили витрины, разбили зеркала и посуду, поломали мебель, разграбили все имевшиеся в доме ценности.

Отец не смог вынести этого удара судьбы и скоропостижно скончался от разрыва сердца. Натан был в полной растерянности. Он лишился всего имущества, клиентуры, и жил исключительно за счёт прежних запасов. Друзья посоветовали ему, не мешкая, уходить за рубеж.

С началом немецкой оккупации Польши патриотические организации создали антифашистское подполье. Им удалось связаться со своими единомышленниками во всей южной Польше и создать цепочку, которая помогала беженцам добираться до границы и пересекать её. Натану с семьёй также помогли выбраться из города, перебраться на лодке через реку Сан и направили его на хутор, где они сейчас и находились. Хозяин этого хутора осуществлял переброску беженцев через польско - советскую границу в районе Львова. Натану дали также рекомендательное письмо к львовскому раввину Хаиму Смилевскому. Натан попытается к нему добраться.

Рувим в свою очередь рассказал, что с ним приключилось. Натан его внимательно выслушал, и когда речь зашла о переправе через реку, он сразу определил, что это тоже была река Сан. Повидимому, машина завезла Рувима на западное побережье Сана в то время, пока он спал. Поэтому он переправы и не заметил.

Натан и Рувим решили и дальше двигаться вместе.

В разговорах незаметно шло время. Детям надоело сидеть тихо под присмотром матери. Чтобы их отвлечь, Рувим стал рассказывать им всякие истории. Особым успехом пользовался

рассказ, как он спасался от быка. И, конечно, дети с восторгом слушали, как он подружился с Фуксом, и очень сожалали, что он не мог взять его с собой. Во второй половине дня детей уговорили поспать перед дальней дорогой.

Так прошёл день. Когда стемнело, пришёл хозяин хутора и повёл их с собой. Шли в полной темноте, стараясь не шуметь. Рувим шёл за проводником с ребёнком на руках, стараясь только не отстать от поводника. Они шли долго. Рувим уже потерял счёт времени, когда проводник остановился около копны сена, с трудом различаемой в темноте. Проводник сказал, что теперь всё в порядке. Они уже на территории Советского Союза. Он посоветовал им отсидеться в этой копне до рассвета и идти дальше, не расслабляясь, очень осторожно, избегая нежелательных встреч, особенно с военными. Затем он указал направление дальнейшего движения, распрощался и повернул назад.

Путники наконец смогли передохнуть, привести себя в порядок и немного перекусить. Рувим доел остатки еды, подаренной стариком. Теперь надо было добывать новую еду, а это с ребёнком на руках было совсем не просто.

Путники испытывали определённую робость и волнение. Они совершенно не представляли, как им следует вести себя в новой и незнакомой для них стране. Но выбора не было, и надо было вставать и двигаться в сторону Львова.

ЛЬВОВ

Путники решили прислушаться к советам проводника и двигались очень осторожно, обходя населённые пункты и прячась при приближении людей или транспорта. Шли быстро и почти без остановок. Цель была близка, и очень хотелось затемно прийти во Львов. Дети спали на руках у взрослых. В итоге, когда они к вечеру вошли в город, силы у детей и взрослых были на исходе.

Натану было известно, что раввин Смилевский живёт в центре города в районе Краковского базара. Ориентир хороший, и с помощью редких прохожих удалось без особого труда разыскать его дом.

Хозяин выглядел несколько растерянным, когда шесть человек ввалилось к нему в дом. Но вида старался не показывать. А когда он прочитал рекомендательное письмо, то и вовсе успокоился. Он рассказал, что город наводнён беженцами. Найти работу теперь очень сложно, особенно для портных. Здесь и своих то портных было всегда в избытке. К тому же взрослым придётся пройти регистрацию. Объявления об этом развешены по всему городу. Семейных пока не трогают, но лучше здесь не задерживаться. Узнав, что у Замойских есть документы и деньги, он сказал, что особых хлопот с регистрацией у них не будет, и обещал им в этом посодействовать. Пока же он предложил им переночевать у него в доме. У Рувима не было ни документов, ни денег. Поэтому двигаться дальше ему было опасно - могли арестовать. Ребе сказал, что неподалёку от него живёт одинокий старик, который будет рад приютить Рувима на некоторое время. А ребе тем временем постарается пристроить Рувима на какую -нибудь работу. Глядишь, а там можно будет выправить и документы.

Ребе предложил всем лёгкий ужин, а сам пошёл к старику договариваться насчёт Рувима.

Вскоре он вернулся очень довольный и сказал, что всё в порядке, он договорился, и можно прямо сейчас же идти устраиваться. Рувим сердечно попрощался с семьёй Замоиских, расцеловал детей, к которым уже успел привязаться, и пошёл вслед за раввином. По дороге ребе рассказал ему, что старика зовут Менахем. Он в прошлом занимался крупной торговлей, финансами и даже давал деньги в рост. В последние годы он отошёл от дел и жил тихонько вдвоём с женой. Недавно жена умерла, и он остался совсем один. Раньше жена вела хозяйство, управляла домом и прислугой. В доме был порядок и достаток. Но сейчас из-за его тяжёлого характера и непомерной скупости прислуга разбежалась, и только одна женщина, которая долгие годы работала у них в семье, продолжает приходить три раза в неделю. Она готовит еду, убирает, подстирывает и пытается как-то поддерживать в доме относительный порядок. Но это ей плохо удаётся, так как старик очень неряшлив и упрям. Он швыряет свои вещи куда попало, не хочет мыться, и, боясь холода, не даёт проветривать помещения. У старика больное сердце, и, как все сердечники, он боится оставаться один, особенно ночью. Ему нужен живой человек в доме, собеседник, готовый терпеливо его выслушивать. Он будет рад приютить Рувима, а тот должен будет помогать ему по хозяйству и выполнять мелкие поручения. И вечерами участвовать в беседах. Рувим посчитал эти условия вполне приемлемыми.

Хозяин сам открыл дверь и впустил их в дом. Он шёл впереди, тяжело опираясь на палку, кряхтя и шаркая шлёпанцами. Рувим сразу почувствовал сильный специфический запах невымытого старческого тела. В гостиной к нему прибавился затхлый запах непроветренного жилья. От этого запаха у Рувима закружилась голова. В гостиной царил полумрак. Только на столе горело несколько свечей. Ребе, пообещав прийти на следующий день, поспешил распрощаться и уйти. Старик уселся в кресло и пригласил Рувима последовать его примеру. Уютно устроившись в кресле напротив, Рувим теперь мог разглядеть хозяина дома. Это был полный старик с большой всколоченной седой бородой, в кипе, тёплом халате и толстых шерстяных носках. Он одел очки и принялся читать вслух Тору, комментируя каждую прочитанную фразу и приводя аналогии из личной жизни. Речь шла об Йосефе, которого братья продали в рабство. Рувим хорошо знал эту историю. Кроме того, он целый день шёл с ребёнком на руках и смертельно устал. Слушая монотонное чтение хозяина, он дремал в кресле с открытыми глазами, вздрагивая и просыпаясь, когда старик к нему обращался, и вежливо поддакивал.

Сквозь сон он слышал, что жена влиятельного египетского сановника Потифара, купившего Йосефа, влюбилась в него, красивого молодого парня, и пыталась всячески его соблазнить. Но верный заветам Бога Йосеф не поддавался ни уговорам, ни попыткам его подкупить, ни угрозам. Даже двенадцатилетнее заключение в тюрьме не смогло заставить его изменить своим принципам.

-Бог послал Йосефу тяжкое испытание, и он с честью его выдержал. За это он был достойно вознаграждён, - говорил старый Менахем, потрясая пергаментным указательным пальцем, - А он был не намного старше вас, молодой человек! Запомните, что самый страшный грех - покушаться на то, что тебе не принадлежит!

Рувим поспешил заверить, что чужая собственность для него священна, и старику это очень понравилось. Он продолжил чтение, но его дальнейших сентенций Рувим уже не слышал.

Старик наконец сжалился над ним и отвёл его в комнату прислуги. Маленькая каморка без окон была больше похожа на чулан. Рувим так её потом и называл - мой чуланчик. Полностью обессиливший Рувим свалился, не раздеваясь, на топчан и заснул.

На следующий день Рувим проснулся полностью отдохнувшим. Хозяин ещё спал. Рувим открыл форточки в гостинной и проветрил комнату - наверное впервые за много дней. Сразу стало легче дышать. Затем он разыскал тазик и тряпку, и вымыл полы, а также немного прибрал в комнате. Зашедший в комнату хозяин был приятно удивлён. Он попросил Рувима занести со двора дров для камина и разжечь огонь. За этим занятием и застал Рувима ребе Хаим. Он сказал, что договорился насчёт работы и предложил немедленно идти устраиваться. Рувима приняли подсобным рабочим в строительную бригаду, разбиравшую разрушенные здания. В ней работали, в основном, такие же беженцы, как и он, которым некуда было больше податься. Это позволяло хозяевам их нещадно загружать тяжелейшей работой, на которую не соглашались местные рабочие, и платить им при этом нищенскую оплату.

Рувима поставили работать в паре с парнем лет 18. Они должны были выковыривать кирпичи из строительного мусора и щебня, относить их на носилках на специальную площадку, сортировать и складывать в штабеля на деревянных поддонах. Кроме того, они должны были выгребать оставшиеся мусор и щебень, и высыпать их в оборудованную для этого телегу. Никаких рукавиц им не выдали.

Это была каторжная работа. Уже через несколько часов у Рувима и его напарника были ободраны руки. Напарник был старше и сильнее Рувима, и Рувиму приходилось стараться изо всех сил, чтобы не уступать ему в работе.

Объявили обеденный перерыв. Все разбрелись по двору, кто куда. Рувим уселся на перевёрнутые носилки около полуразрушенной стены, чтобы укрыться от холодного ветра. Напарник примостился неподалёку и принялся, не торопясь, обедать. Увидев, что у Рувима нет никакой еды, он подсел к нему и протянул кусок хлеба. Рувим отказался, но парень так искренне настаивал, что дальше отказываться было просто невежливо. Они разговорились. Парня звали Гирш. Он был беженцем из Замостья. В начале октября, когда в городе начались облавы на молодых евреев, он сумел своевременно бежать из города, и напрямик отправился к границе. После долгих блужданий вдоль границы ему наконец удалось перебраться на советскую сторону. Он оказался во Львове. Так же, как и у Рувима, у него не было ни документов, ни денег. Его приютила старушка - дальняя родственница его родителей. Гирш надеялся постепенно выправить какие-нибудь документы и податься дальше вглубь страны. Он предложил Рувиму составить ему компанию. Тот не имел ничего против, но они решили вернуться к этому вопросу после оформления документов.

После перерыва работать стало ещё трудней. Руки и ноги не слушались, трудно было разогнуться. Хотя они понемногу опять вошли в трудовой ритм, к концу дня они окончательно выбились из сил.

После работы выдали дневную зарплату. Гирш потряс эти деньги в руке и сказал, что на них толком нельзя ничего купить. Даже один раз не пообедаешь. Постоянно прибывающие беженцы вымели все дешёвые продукты, и ушлые продавцы тут же взвинтили цены.

Выяснилось, что Гирш живёт неподалёку от Рувима, и они пошли домой вместе. Они настолько устали, что плелись, почти не разговаривая. Неожиданно Гирш оживился. Он показал Рувиму красивую девушку с яркой вызывающей внешностью, стоящую на противоположной стороне улицы возле дверей невзрачного дома. В ней легко угадывалась жрица древнейшей профессии.

-Смотри, какая красotka,- сказал Гирш с восхищением, - С удовольствием попробовал бы её на зуб. Да, денег мало. И, боюсь, при таком харче да при нашей работе я буду похож на того кота из анекдота, который целый день водил кошечку по крышам и рассказывал ей как его кастрировали. По крайней мере - с тем же результатом.

И он невесело рассмеялся. Девушка останавливала проходящих мимо мужчин и зазывала их к себе в дом. Большинство из них отмахивалось от неё, как от назойливой мухи. Но некоторые останавливались и вступали с ней в переговоры. Идущая впереди Рувима и Гирша пожилая женщина принялась её позорить. В ответ та выдала ей такой поток отборной брани, что бедная женщина постаралась побыстрее ретироваться.

Вернувшегося домой Рувима с нетерпением ждал хозяин, которому нужно было за целый день выговориться. Он принялся с жаром рассказывать, как он всю жизнь спасал от голодной смерти множество людей, ссужая им деньги, а они потом ответили ему чёрной неблагодарностью. Рувим подумал про себя, что ссужал он деньги бедным людям далеко не бескорыстно, а под изрядные проценты, но вслух ничего не сказал.

Мысль о том, чтобы накормить голодного мальчишку, Менахему даже в голову не приходила, Рувим же просить еду ещё не научился, а красть её у старика, который дал ему приют, он не хотел. С трудом дождавшись окончания словесной пытки, Рувим уполз в свою каморку.

Утром он чуть не проспал свою работу. Поэтому он не успел приобрести никакой пищи и побежал на работу голодный.

Во время обеденного перерыва он ушёл с площадки, сославшись на неотложные дела, чтобы не побираться у Гирша.

Работать на голодный желудок было особенно тяжело, и он с огромным трудом дотянул до конца рабочего дня. Получив очередную плату за день, они возвращались с Гиршем с работы. У знакомого невзрачного дома они увидели группу веселящихся людей. Из дома доносились крики и ругань. Когда они подошли к дому, дверь с шумом распахнулась, и из дома буквально вылетел полуодетый мужчина. Идущая вслед за ним женщина крикнула:

-Жди здесь! -и ринулась назад в дом. Там шум и крики возобновились с новой силой. Вскоре женщина снова появилась на улице, держа пальто и шапку, которые она бросила мужчине. Крича на ходу, что она покажет этой стерве, как завлекать чужих мужей, она потащила упирающегося мужа домой под громкий хохот собравшихся.

Вечер прошёл в традиционных разговорах, переносить которые Рувиму было особенно трудно, так как от голода у него кружилась голова. На утро Рувим встал пораньше и побежал на рынок. Двухдневной зарплаты хватило только на приобретение краюшки хлеба и двух луковиц. С трудом дождавшись обеденного перерыва, Рувим набросился на еду. С голодухи Рувим сразу не разобрался, что луковицы были подгнившими. Да и выбрасывать их было жалко - ничего другого всё равно не было, а так хотелось чего -нибудь остренького. Во время еды Гирш рассказал Рувиму, что у них в бригаде есть, оказывается, стукач, который докладывает в НКВД о подозрительных людях и крамольных разговорах. Он посоветовал Рувиму быть осторожным и показал ему мужчину неопределённой внешности, который слонялся около обедающих рабочих, прислушиваясь к их разговорам. Рувим сразу узнал этого человека. Не далее, как вчера во время обеденного перерыва он окликнул Рувима на выходе со стройплощадки. Подойдя к Рувиму, он предложил ему закурить и очень удивился, когда тот отказался. И тут же он принялся рассказывать Рувиму про свои злоключения. Что он по профессии - повар, жил и работал в Люблине, с трудом вырвался из Польши, а сейчас застрял во Львове и вынужден корячиться на этой стройке. Надеется, что здесь он долго не задержится, и постарается выбраться туда, где он сможет найти работу по специальности. Затем он стал расспрашивать Рувима о его делах - откуда он, где его семья, что он намерен делать дальше. Сначала Рувим охотно рассказывал свою историю, а его собеседник внимательно слушал, задавая иногда наводящие вопросы. Постепенно этот неожиданный

навязчивый интерес стал вызывать у Рувима беспокойство. Особенно ему не нравился бегающий взгляд собеседника и то, что он постоянно оглядывался по сторонам. Поэтому, когда тот, как бы невзначай, поинтересовался, где Рувим живёт, Рувим уклончиво ответил, что перебивается, где придётся. Подозрения укрепились, когда собеседник стал расспрашивать про Гирша. Рувим ответил, что толком ничего не знает, что они на работе так устают, что нет ни сил, ни желания о чём-нибудь говорить. Собеседник сделал вид, что поверил Рувиму, и поспешно вернулся на стройплощадку.

Теперь Рувим перебрал в уме всё, что он тогда говорил, и поздравил себя с тем, что проявил бдительность и не выболтал стукачу лишнего. Правда, всего этого он Гиршу не рассказал, чтобы не беспокоить его понапрасну.

Завершив еду, Гирш встал и отряхнул крошки с колен. Рувим увидел, что он сидел на газете, на которой была фотография кавалериста с небольшими усиками, в фуражке и с саблей на боку. Кавалерист лихо гарцевал на великолепной лошади. Рувим обратил внимание, что на стройных ногах лошади были белые перевязи и спросил об этом Гирша. Тот ответил, что, наверное, это для красоты. Затем он скомкал газету и бросил её в угол. Рувим заметил, что стукач тут же подобрал газету, но не придал этому никакого значения.

Через несколько часов у Рувима начались резкие боли в желудке, появилась тошнота. Он с трудом добрался домой. Из-за сильного расстройства желудка Рувим не находил себе места. Обессиленный, он валялся на своём топчане. Старик тоже захворал. Он целый день не выходил из своей комнаты. Вечером он заглянул в комнатку к Рувиму. Выглядел старик просто ужасно. Всколоченные седые волосы и борода торчали в разные стороны, покрасневшие глаза слезились, на носу и скулах проступили красные и фиолетовые прожилки. Он пожаловался Рувиму на сильнейшие головные боли и головокружение. К вечеру он задремал и, ему приснилась жена, которая звала его и просила помочь. Смертельно испуганный старик боялся возвращаться к себе в комнату. Он упросил Рувима переночевать с ним. Отказать больному старику Рувим не мог.

Когда они зашли к хозяину в спальню, Рувим был поражён открывшейся перед ним картиной. По всей комнате валялись различные вещи, на столе была гора грязной посуды и недоеденной пищи. Между тарелками гуляла большая мышь. Увидев вошедших людей, она нисколько не испугалась, а привстала столбиком и с любопытством уставилась на Рувима бусинками глаз. Рувим от неожиданности вскрикнул. Тогда мышь не торопясь спустилась на пол и лениво удалилась под кровать. Рувим никак не мог понять, почему в этой комнате такой беспорядок, когда в других комнатах всё блестит. Явно, вчера в доме проводилась уборка. Старик, угадав его мысли, сказал, что не любит, когда в его комнату заходят посторонние люди, и разрешает делать там уборку не чаще, чем раз в месяц. Рувим с огромным трудом уговорил его посидеть в гостиной, а сам проветрил комнату и навёл в ней элементарный порядок. Потом разыскал ведро, нагрел воду и заставил старика засунуть туда ноги, подливая горячей воды по мере того, как вода в ведре остывала. Монькин отец называл это отвлекающей терапией. Рувим подумал, что его пиявки сейчас совсем бы не помешали.

Общение с Монькиным отцом не пропало даром. Старику сразу полегчало, и он быстро заснул. А Рувим прикорнул на кушетке, возле которой стоял старый буфет из красного дерева ручной работы. Рувим ещё раньше обратил внимание на великолепно вырезанные головы львов. Если бы не множество отверстий, проделанных шашелем, цены бы этому буфету не было. Заснул Рувим не сразу и спал плохо из-за сильных болей в желудке.

Проснулся Рувим от странного ощущения. Ему показалось, что ему на ноги спрыгнула с буфета кошка. Пока он пытался сообразить, что произошло, он почувствовал около лица

какой-то зловонный запах и услышал сопение и лёгкое попискивание. В ужасе Рувим гребанул рукой и изо всех сил отбросил какое то существо подальше от себя. Крыса, Рувим догадался, что это была она, ударилась о буфет, с писком свалилась на пол и убежала под буфет. Дальше спать Рувим уже не мог. Он с трудом дождался утра, лёжа на своей кушетке и стараясь не шуметь, чтобы не разбудить больного старика. Когда тот наконец встал, Рувим доложил ему о случившемся. Старик чувствовал себя гораздо лучше, чем накануне, и сильно заужавал Рувима. Поэтому он согласился с его доводами о необходимости принятия решительных мер в борьбе с грызунами.

Рувим отдавал себе отчёт, что своими силами без помощи извне он с этой задачей не справится. Нужно было искать кота. Кандидатура одного претендента на выполнение этой непростой миссии у Рувима уже была на примете. Однажды, пробегая мимо соседнего дома на работу и возвращаясь с работы, Рувим обратил внимание на огромного рыжего кота, лениво возлежащего на крыльце дома. Он позволил Рувиму подойти к нему и почесать за ухом. Когда же Рувим почесал ему грудь и живот, он перевернулся на спину, блаженно щурился, мурлыкал и дёргал задней ногой. С тех пор, возвращаясь домой, Рувим часто встречал этого кота на том же месте и подходил к нему, почёсывал и говорил всякие ласковые слова. Поэтому Рувим сразу же побежал на поиски своего знакомца. Кот был на месте. Выполнив традиционный обряд почёсывания, он сгрёб кота и продолжая почёсывать и ласково беседовать, потащил его домой. Кот пытался вырваться, но Рувим держал его крепко. С трудом дотащив его до спальни, он спустил кота на пол. Сначала кот попытался скрыться, но затем осмотрелся, прошёлся по комнате и вдруг мгновенно преобразился. Он сгруппировался, нервно закрутил хвостом и стал оглядывать комнату. Рувим выпроводил хозяина из комнаты и принялся отодвигать мебель, обеспечивая коту оперативный простор. Неожиданно кот сорвался с места и побежал в проход между стенкой и кушеткой. Рувим услышал громкую возню, писк, и через несколько минут на полу возле кушетки лежали положенные в ряд четыре больших крысы. Кот тоже пострадал в неравной битве. Он не мог закрыть рот, откуда постоянно текла слюна, и рвался из дома на улицу. Рувим не стал его больше удерживать. Потом он тщательно обследовал стены комнаты и выявил несколько дырок.

Найдя в кладовке пару пустых бутылок, Рувим разбил их и затолкал стекло в отверстия. После этого он расставил мебель по местам и тогда, почувствовав огромную слабость, побрёл отлёживаться в свою каморку. Увидев его состояние, старик решил его пока не трогать, и Рувим, предоставленный сам себе, спокойно проспал до самого утра.

На следующее утро Рувиму полегчало, и он пошёл на работу. К его удивлению и огорчению на площадке Гирша не было. Вместо него Рувима встретил бригадир и крайне недружелюбно заявил, что ему надоело возиться с нелегалами - одни неприятности. Вчера прямо на стройплощадке Гирша задержали работники НКВД. Они утверждали, что Гирш надругался над фотографией товарища Ворошилова и за это ответит. Они также велели передать Рувиму, чтобы он немедленно прошёл регистрацию. Без этого бригадирю было запрещено допускать его к работе.

Рувим в панике побежал за советом к ребе Хаиму. Ребе был явно встревожен его сообщением. Однако, он внимательно выслушал Рувима и сказал, что приближается большой советский праздник, и в предверии его по городу идут аресты. Задержано и выслано много беженцев, особенно молодых. Власти опасаются, что под видом беженцев в страну проникло много шпионов, которых они хотят выявить и обезвредить. Арестовывают также священослужителей и известных людей. Участились ночные обыски в богатых домах.

Угрозами и пытками людей заставляют отдавать накопленные ценности. В этой обстановке оставаться Рувиму в городе становится опасным. Ребе посоветовал ему на работу больше не ходить и несколько дней тихонько посидеть дома. За это время ребе постарается уточнить обстановку и попробовать оформить ему хоть какие-нибудь документы. После этого можно будет выбираться из города. Есть сведения, что лучше всего пробираться в Кировоград. Там проще затеряться и легче найти работу.

Потом ребе слегка покормил Рувима и дал ему немного денег, чтобы он мог продержаться эти несколько дней до получения документов.

Не заходя домой, Рувим забежал на рынок. Подарок ребе побуждал к немедленным действиям. Впервые за время скитаний у него появились деньги, на которые можно было купить настоящую еду. Дело несколько осложнялось тем, что старик не потерпел бы в доме некошерных продуктов. В конце концов он приобрёл хлеба, картошки, несколько кусков сахара и немного квашеной капусты.

Старик не стал возражать против его покупок, и Рувим сварил себе картошку «в мундирах». Так как старик от угощения отказался, Рувим наслаждался едой в одиночестве. Он поел картошку с квашеной капустой и запил их кипятком с сахаром вприкуску. Наконец, он был по-настоящему сыт и мог спокойно выслушивать нудные разглагольствования старика. А тот был в этот вечер в ударе.

Не за горами была Ханука, и Менахем решил просветить Рувима на этот счёт. Он вдохновенно рассуждал о великом чуде, когда небольшое количество неосквернённого масла, которого в обычное время хватало только на один день горения, горело в миноре все восемь дней, необходимых для приготовления нового святого масла. При этом Менахем утверждал, что чудо это является следствием безоговорочной преданности сторонников Макавеев вере своих отцов. Она же является гарантией успеха во всех начинаниях и поддержки людей Богом.

Полный желудок располагал к участию в дискуссии. Рувим был и сам хорошо знаком с историей своего народа. К тому же, ему приходилось выслушивать беседы на эту тему такого знатока Торы и еврейской истории, как отец Арона Кейлина. Тот всегда учил своих слушателей, что добро должно быть с кулаками. Поэтому Рувим впервые решился вступить со стариком в богословский спор. Он заявил, что покорная вера не является достаточным условием для победы. В доказательство он напомнил Менахему известные факты, что, когда большую группу молящихся евреев застали врасплох воины Антиоха Епифана, они даже не пытались оказывать сопротивления, чтоб не нарушить святость субботы. Так же не оказывали сопротивления Хана с сыновьями и многие другие евреи. Их мученическая смерть только распаляла захватчиков, порождала уверенность в их полной безнаказанности. Не покорность, а активная вооружённая борьба смогла привести к освобождению народа и его святынь. Об этом как раз и свидетельствует история Хануки. Только, когда Маттатия с сыновьями и горстью своих сторонников смело выступил против превосходящих сил греков и добился первых побед, народ поверил в реальность окончательной победы. И чем больше побед одерживалось в этой борьбе, тем больше людей присоединялось к бойцам. В итоге была одержана великая победа, приведшая к освобождению от греческого рабства. Ранее, благодаря мужественной борьбе отрядов самообороны под руководством мудрого Мордехая против войск Амана, было достигнуто освобождение из рабства Персидского. Отсюда вывод - Бог поддерживает борцов, а не тех, кто покорно, как бараны, идёт на заклание.

Рувима понесло. Всё, что он усвоил во время многочисленных бесед с Аврамом Кейлиным и Ференцем Экели, он обрушил на голову изумлённого старика.

-Бог, вообще, на стороне тех, кто служит обществу и людям. Вы столько дней мне рассказывали про Йосефа. Вспомните, он будучи талантливым хозяйственником, в благоприятные годы создал резервы зерна. Это позволило спокойно пережить неурожайные годы. И когда непредусмотрительные соседи оказались в бедственном положении, он не обложил их неподъёмными процентами, а вопреки воле фараона стал продавать им зерно по разумным ценам, сохранив выгодных покупателей на будущее. Ибо сказано, что хороший хозяин овец стрижёт, а не сдирает с них шкуру.

Рувим знал, что затрагивает больное место Менахима, но со свойственной юности бескомпромиссностью и жестокостью сознательно говорил на эту тему. Старик был крайне озадачен новой для него точкой зрения. Ему требовалось время, чтобы привести в порядок разбежавшиеся мысли. Поэтому он решил взять тайм-аут и отложил дальнейшую дискуссию на следующий вечер. Рувим получил возможность пораньше уйти спать.

Обычно он спал, не закрывая в своей каморке двери, так как из-за отсутствия окон или другой какой-либо вентиляции там попросту нечем было бы дышать. Поэтому, лёжа на своём топчане, он хорошо слышал всё, что происходит в гостиной. Старик продолжал сидеть за столом. Было слышно, как он листает свою книгу. Повидимому, он был сильно уязвлён и обижен словами Рувима. Поэтому он принялся заново перечитывать различные места в Торе, чтобы подготовить достойный ответ. Рувим в свою очередь тоже не мог заснуть. Он уже пожалел о своей горячности. Размышляя над их разговором, он задал себе коварный вопрос - а как он сам лично соответствует тем красивым словам, которые он так страстно произносил? Как он сам борется со злом? Ему хотелось быть честным по отношению к самому себе. Поразмыслив, он нашёл компромиссный ответ:

- Да, он - безоружный мальчик, а не полководец. Он в одиночку не мог противостоять этой страшной фашистской машине, которая за несколько дней сокрушила многотысячную польскую армию и всё польское государство. Но он не стал покорно ожидать смерти. Он упорно боролся за свою жизнь, умудряясь выбираться из почти безвыходных положений, оказался в чужой стране. Сейчас ему нужно время, чтобы найти своё место в этой стране. И он обязательно это сделает. Пусть для этого потребуется несколько лет. И он постарается попасть в армию, чтобы получить в руки оружие. Даст Бог, и он сможет участвовать в битве с фашизмом и освободит своих близких и друзей.

Придя к таким оптимистическим выводам, он успокоился. Засыпая, он отметил для себя, что старик ещё не спит, о чём свидетельствовало глухое покашливание и негромкое бормотание.

Проснулся Рувим от шума в гостиной. Несколько человек говорило по-русски, один переводил их слова на польский язык. Рувим прислушался.

-К нам поступили сведенья, что Вы укрываете незаконно нажитые ценности, полученные в результате спекулятивных сделок и ростовщичества! Предлагаем добровольно передать их пролетарскому государству. Только так Вы сможете избежать наказания. В противном случае вам придётся отвечать по всей строгости закона.

Что отвечал старик, Рувим не слышал, так как тот говорил очень тихо.

- Ну что ж, Вы не хотите поступать по - хорошему. Тогда поговорим иначе. Попов, приступайте к обыску! А Вы, Козлов, проверьте, нет ли в доме посторонних!

-Товарищ капитан! Я же вам докладывал, что он живёт один. Старуха придёт только утром.

-Вы слышали мою команду? Выполняйте! Бережённого Бог бережёт.

-Слушаюсь!

Рувим услышал топот ног в коридоре. Он вскочил с топчана, сгрёб одежду и постель, и юркнул под топчан, прижавшись к стене и дрожа от страха. Подстилка, покрывавшая топчан, свисала до самого пола и мешала увидеть, что лежало под топчаном.

Козлов, не торопясь, обошёл квартиру. Он не сомневался, что в доме никого нет и быть не может, а начальство просто перестраховывается. Поэтому он особенно не усердствовал, а больше делал вид, что ищет. Заглянул он и в комнатку Рувима. Посветив фонариком, он ничего подозрительного не обнаружил. В это время из гостиной донёсся хрип и послышалась грубая ругань:

-Помер, гад! Мать его...!

-Да я его только один раз и ударил! Хлипкий, сука!

-Ладно, придётся самим искать!

Козлов бросился в гостинную. Там началась возня. Был слышен шум сдвигаемой и падающей мебели, треск ломаемого дерева. Обыск продолжался несколько часов. Наконец раздался торжествующий крик:

-Есть! Вот они, товарищ капитан! Ах, старая сука, сколько насобирал!

Присутствующие довольно загудели. Какое-то время шёл громкий обмен мнениями. Судя по разговорам, находку рассматривали и описывали в протоколе. Наконец послышался топот ног в сторону выхода и фырканье отъезжающего автомобиля. Потом всё стихло. Рувим выждал некоторое время, потом выбрался из-под топчана и стал лихорадочно одеваться. У него тряслись руки, и он никак не мог справиться с одеждой.

Выбравшись из своей комнаты, он заглянул в гостинную. В ней было всё перевернуто. У порога валялось кресло, на котором он обычно сидел, с распоротым сиденьем. На полу были разбросаны книги, различные вещи, ящики от комода, цветы, вырванные из горшков, доски от поломанных подоконников. В углу комнаты были приподняты половицы пола. Старик сидел в своём кресле, безвольно свесив руки и неестественно запрокинув голову. На разбитых губах и на бороде была видна запекшаяся кровь. Он был одет в ту же одежду, в которой Рувим оставил его, уходя спать. Свечи на столе почти полностью выгорели. Оставались небольшие огарки, слабо освещавшие комнату. Повидимому, несчастный старик в эту ночь так и не ложился.

Рувим в ужасе выскочил из дома и побежал, куда глаза глядят. Позади остались площадь Краковского базара, оперный театр, а Рувим всё бежал, сворачивая то в одну, то в другую сторону, стараясь уйти от страшного дома, как можно дальше. Наконец, он окончательно выдохся и осмотрелся. Оказалось, что он вышел к трамвайной линии, и машинально пошёл вдоль неё.

Постепенно животный страх, страх за свою жизнь, охвативший Рувима, прошёл, и вернулась способность осмыслить происходящее. Очевидно, что вернуться назад он не сможет. Идти к ребе Хаиму после произошедшего тоже нельзя - можно его подвести. Значит на документы рассчитывать не приходится. Что остаётся? Только уходить из Львова. Ребе советовал добираться до Кировограда. Придётся так и сделать. Кстати, трамвайная линия, вдоль которой он идёт, ведёт по направлению Скнилова, откуда можно уехать в Кировоград. Хорошо, что какие-то деньги остались, и их может хватить на билет. Такое совпадение показалось Рувиму хорошим предзнаменованием, и он даже как-то приободрился.

БРАВЫ РЕБЯТУШКИ

Уже рассвело. На улице появились редкие прохожие, пошли трамваи. Рувиму вспомнился вчерашний разговор с покойным стариком. Зря он его обидел. А сам вот опять, как затравленный зверь, должен бежать, неизвестно куда. Где он найдёт, наконец, постоянное пристанище? Он думал, что пришёл в страну свободы и справедливости, о которой так много и восторженно говорил Абрам Кейлин, но ни справедливости, ни свободы он пока так и не увидел.

За время скитаний Рувим встретил разных людей. Было среди них много негодяев, но также и много отзывчивых и достойных людей. Как не вспомнить священника, который защитил Рувима от разъярённых мальчишек, польского старика, который рисковал жизнью, перевозя незнакомого мальчишку через мост, Гирша, поделившегося последним куском хлеба, самоотверженного раввина Хаима Смилевского и даже немецкого мотоциклиста. Значит есть ещё на земле настоящие люди, и пока они существуют, Рувим не сдастся. Придёт и его время. Он найдёт, наконец, своё место в жизни и вернётся в Польшу победителем.

Рассуждая таким образом, Рувим оказался около двух высоких холмов. Он слышал раньше, что на одном из них, насыпанном по указанию князя Льва Галицкого, находится знаменитый Высокий замок. А на втором располагались казармы, в которых размещалась воинская часть. Рувим уже собрался идти дальше в сторону находящейся неподалёку железнодорожной станции, как вдруг услышал звуки песни. Это пели солдаты двигавшегося в его сторону отряда. Солдаты шли со свёртками под мышками. Командир отряда шёл сбоку, периодически отдавая отрывистые команды. Запевала выводил громким высоким голосом:

-Солдатушки, бравы ребятушки, Где же ваши жёны?

-Наши жёны - ружья заряжены - вот, где наши жёны! - подхватывали остальные.

Рувим стоял и слушал незнакомую песню. Маршевый ритм этой песни поднимал настроение, вызывал чувство бодрости. Рувим на минутку представил, что он тоже браво марширует вместе с этими лихими солдатами. Ведь Рувим был мальчиком, а мальчик всегда в душе воин.

Закончив эту песню, запевала начал петь новую песню - про Орлёнка. Рувим не знал русского языка, но смысл песни понял, а грустная щемящая мелодия его просто заворожила. Он застыл в неловкой позе, стараясь не пропустить ни одного слова. Поравнявшиеся с ним солдаты, обратили на него внимание.

-Эй, парень, закрой рот, а то ворона влетит!- кричал один шутник.

-У кого ты шил свой наряд?- кричал второй.

-Да он одолжил его для вечернего бала у огородного пугала! – изощрялся третий.

-Гаврош, пойдём с нами!- позвал его запевала.

Рувим догадался, что над ним потешаются. И он как бы увидел себя со стороны - с подогнутыми рукавами и штанами, большими башмаками, мятой кепке. Работая, все эти дни на стройке, он приходил измученный домой с работы и совершенно не обращал внимания на свой внешний вид. Одежда его была покрыта строительной пылью и грязью, местами образовались дыры. Он действительно был похож на огородное пугало.

Его мысли нашли отражение на его лице, и это увидел находящийся рядом командир отряда.

-Отставить! Прекратить шуточки!- скомандовал он, - Ты – кто, пацан?

Рувим не ответил, так как боялся разрыдаться. Командир решил, что он его не понимает.

-Френкель! Подойдите сюда!- скомандовал он.

Из строя вышел полный военный с приветливым добродушным лицом. Он заговорил с Рувимом на идиш. Рувим рассказал ему, что он бежал из Польши от фашистов, а сейчас хочет добраться до Кировограда. Солдаты окружили Рувима и стали задавать ему вопросы о его

семье, о том, что происходит в Польше и о том, что он пережил. Френкель всё это переводил. Рассказ произвёл на слушателей сильное впечатление.

-Товарищ командир! – обратился к командиру запевала,- Давайте возьмём пацана к себе. Родных у него здесь нет, он пропадёт один.

Командир колебался. Действительно, пацана жалко. К тому же он может быть полезен на политзанятиях, как наглядное пособие того, что несут с собой фашисты. С другой стороны, неизвестно, как к этому отнесётся начальство.

Но он решил рискнуть и согласился взять Рувима с собой. Рувим с радостью присоединился к отряду, и они отправились...в баню. Он много дней уже не мылся и испытал неземное блаженство, обливаясь водой из тазика. Яков Френкель, которому было поручено шефство над Рувимом, снабдил его кусочком мыла, мочалкой и хорошенько оттер его, положив на лавку.

Рувиму очередной раз повезло. Яков Френкель оказался заведующим каптёркой и мастером на все руки. Уже к концу дня Рувим щеголял в поношенном, но зато чистом и пригнанном по росту обмундировании. Правда, как всегда, были проблемы с обувью. Но выручили портянки, хоть Рувим долго не мог научиться их заворачивать.

Лейтенант Соколов, водивший свой взвод в баню, доложил про Рувима своему начальству. Старший политрук Михаил Фридман долго беседовал с Рувимом, расспрашивая о событиях в Польше, о его семье, друзьях, его одиссее, сравнивая с тем, что ему докладывал лейтенант Соколов. Он даже хотел провести в полку предпраздничное политзанятие с участием Рувима. Но когда он доложил об этой инициативе наверх, там ему посоветовали не рисковать. Заканчивался 1939 год, и пакт Молотова - Риббентропа действовал уже в полную силу. Но всё же импровизированные политзанятия уже проходили стихийно – сами по себе.

Слухи о появлении в части мальчика, спасшегося от фашистов, облетели казарму. В каптёрку к Френкелю всё время приходили всё новые посетители. Красноармейцы, затаив дыхание, слушали рассказы Рувима о его злоключениях, о бедах, обрушившихся на оккупированную Польшу. Френкель переводил, сопровождая рассказ Рувима своими комментариями.

Посетители приходили не с пустыми руками. Они несли ему сахар, табак и всякие нужные и ненужные вещи. Очень скоро Рувим стал обладателем нескольких перочинных ножей, десятка конвертов с марками, груды кусков сахара и нескольких пачек табака. Сначала Рувим отказывался от приношений, но Френкель сказал, что, когда дарят от чистого сердца, отказываться не годится - люди неправильно это поймут и будут обижаться.

Вскоре Френкель настолько освоил историю Рувима, что стал выступать от его имени и уже без его участия. Он вдохновенно рассказывал посетителям его историю, обогащая её всё новыми и новыми красочными деталями. Благодаря его стараниям, Рувим превратился в легендарную личность. Начальство этому не мешало.

Незаметно подкрались ноябрьские прездники. Накануне состоялся торжественный вечер. С большим докладом выступил представитель политуправления. Рувим сначала пытался прислушиваться, стараясь понять, о чём идёт речь. Но потом он устал и потерял всякий интерес к докладу. Это не помешало ему усердно аплодировать вместе с остальным залом. Потом подводили итоги предпраздничных соревнований. Взвод лейтенанта Соколова был признан победителем. Красноармейцы были награждены грамотами и билетами на спектакль в оперном театре. Затем был концерт художественной самодеятельности. Рувим был буквально в восторге от лихих плясок. Но больше всего ему понравилось выступление запевалы из их взвода, исполнявшего украинские народные песни.

Седьмого ноября товарищи Рувима принимали участие в военном параде. Рувима, естественно, не взяли, и он коротал время с дневальными, слушая репортаж из Москвы о военном параде на Красной Площади.

Красноармейцы вернулись возбуждённые, весёлые, шумно обмениваясь впечатлениями о празднике. Потом был праздничный обед. Повара постарались на славу. Был украинский борщ, макароны «по - флотски» и компот из сухофруктов. Обед всем понравился. А вечером в клубе показывали кино. Это была кинокомедия «Весёлые ребята». Зрители живо реагировали на происходящее на экране. Каждая сцена сопровождалась взрывами хохота. А во время сцены драки музыкантов Рувим смеялся до слёз. После фильма красноармейцы долго не могли успокоиться. Кто-то напевал запомнившиеся мелодии, кто-то повторял смешные реплики героев фильма. То там, то тут раздавались взрывы смеха. Угомонились только поздно ночью.

На следующий день лейтенант Соколов повёл свой взвод в оперный театр. Рувим был вместе со всеми. Когда они проходили по площади, где Рувим ещё несколько дней назад бежал, куда глаза глядят, у него в груди всё напряглось, дыхание перехватило. Но начался спектакль, и Рувим забыл обо всём на свете. Давали оперу Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Прекрасная музыка, яркие костюмы, смешные персонажи заворожили Рувима. Он возвращался, переполненный впечатлениями. Оказавшись в кровати, он решил, что жизнь прекрасна и тут же уснул.

Проснулся Рувим от громкого крика. В казарме тускло горела дежурная лампочка. Дневальный с вытаращенными от страха глазами бегал между рядами кроватей и кричал: - Боевая тревога! Боевая тревога!

Красноармейцы повскакивали с кроватей и принялись лихорадочно одеваться. Рувим не заметил, как тоже оказался одетым. Он топтался возле своей кровати и не знал, что предпринять. Мимо него пробежали красноармейцы, забегали в оружейную комнату, хватали свои винтовки, подсумки, скатки, сапёрные лопатки, каски и бежали к выходу. К Рувиму подбежал Френкель в полном снаряжении и потащил его за собой. На улице было холодно. Только начинало светать. Стелился густой туман, в котором мелькали силуэты бегущих людей и слышался топот ног. Вскоре раздался рёв моторов - где-то рядом выезжали машины. Мимо проскакали несколько упряжек лошадей, перевозивших противотанковые пушки.

Френкель и Рувим присоединились к красноармейцам своего взвода, построившихся возле машин. Появились командиры с дорожными сумками. Несколько красноармейцев принесли большие цинковые ящики с патронами и погрузили их в машины. Последовала команда, и все быстро сели в машины, которые выстроились в колонну и выехали за город. Рувим сидел рядом с Френкелем. Сидящие в машине красноармейцы нервничали. Никто не понимал, что происходит и куда их везут.

-Мы едем на север. Явно к Польской границе, - задумчиво сказал Рувиму Френкель.

Сердце у Рувима сжалось:

-А вдруг это - война.

И он не знал, бояться ему или радоваться.

-Если это война, то, конечно, с немцами, и он сможет вернуться на Родину. А если нет? То тогда с кем?

Он с надеждой вглядывался в лицо Френкеля, но тот не знал, что ему ответить.

Целый день машины двигались вдоль границы туда и обратно, а к вечеру вернулись в расположение части. Перед построившимися на плацу красноармейцами выступил командир части. Он сказал, что это была учебная тревога, и похвалил командиров подразделений за

чёткие действия. Потом красноармейцев повели в столовую обедать, а командиры отправились на совещание подводить итоги учёбы. Красноармейцы тоже обсуждали произошедшие события. Высказывались самые невероятные версии. Откуда-то пошли слухи о ближайшей передислокации части в распоряжение Ленинградского военного округа. Косвенно это подтвердил вернувшийся с совещания лейтенант Соколов. Он сказал Рувиму, что дело обстоит очень серьёзно, и велика вероятность того, что их часть ожидает передислокация. Рувим был в шоке. Ему было страшно подумать, что придётся опять скитаться, голодать и искать ночлега.

А через некоторое время после долгих размышлений, телефонных разговоров с сестрой и консультаций в различных организациях лейтенант Алексей Соколов завёл с Рувимом доверительный разговор. Он объяснил ему, что их переводят на новое место, и скорее всего придётся участвовать в боевых действиях. Дальнейшее пребывание Рувима в части невозможно. Поэтому он хочет оформить опеку над Рувимом и отвезти его к своей сестре Тоне в Могилёв. Детей у неё нет, и они с мужем будут рады приютить Рувима. Если Рувим согласен, он немедленно приступит к оформлению. Рувим понял, что расставание с красноармейцами, к которым он прикипел душой, неизбежно, и согласился.

Благодаря помощи старшего политрука Фридмана, имевшего связи в городских организациях Львова, документы об опеке удалось оформить за несколько дней. Уже 20 ноября Алексей и Рувим были в Могилёве.

Сестра Алексея Тоня жила с мужем Лёвой в доме своих покойных родителей в районе частной застройки возле реки Дубровенки. Это был небольшой аккуратный домик, к которому примыкал сад, где росли кусты смородины, крыжовника и несколько фруктовых деревьев. Их стволы были до половины побелены известью, что придавало саду нарядный вид. Удобства, правда, были во дворе. В доме имелось несколько небольших комнат, одну из которых предоставили Рувиму.

Алексей пробыл в Могилёве три дня. Прощаясь с Рувимом, который с трудом сдерживал слёзы, Алексей обнял его и сказал:

-Держись, парень! Помогай Тоне, учись в школе и не скучай! Мы ещё встретимся!

Алексей уехал, а Рувим остался в его доме. Тётя Тоня и дядя Лёва работали. Рувим взял на себя обязанности приносить из колонки воду, рубить дрова и топить печь, а также стоять в очереди за хлебом. Всё это Рувим делал с большим удовольствием.

Тётя Тоня и дядя Лёва, у которых жил Рувим, относились к нему, как к родному сыну. Казалось бы, что ещё нужно для счастья? Но по ночам, лёжа в кровати, Рувим с тревогой думал об оставшихся родителях, сёстрах, товарищах. Его мучали угрызенья совести. Официальные сообщения в печати и по радио не давали повода для пессимизма. Рувим уговаривал себя, что в Польше налаживается порядок, да и Ференц не даст его семью в обиду, но в глубине души он понимал, что это не так. То, что он увидел сам и услышал от встретившихся за последние месяцы людей, заставляло его серьёзно беспокоиться за судьбу близких. И это беспокойство отравляло его благополучное существование.

Так началась новая жизнь Рувима- мальчика с Жидовской улицы Польского города Лодзи в Советской Белоруссии.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ФЕРЕНЦА ЭКЕЛИ

Прошли годы. Всё это время Рувим по крупицам собирал сведения о судьбе своих родных и друзей, оставшихся в Польше. Наконец, с помощью коллег, польских журналистов, ему удалось разыскать своего товарища - Лешика, Леха, которому удалось пережить оккупацию и нелёгкие послевоенные годы. От него Рувим узнал, что его родители, сёстры и все его близкие были вывезены из Лодзи и погибли. Также погиб Янкель, его семья, семья Арона. Ещё раньше умер от воспаления лёгких слабый здоровьем Юзик. Не вернулись в город Арон и Мотл. Об их судьбе ничего не известно. Зимой 1940 года умерла Мазина прабабушка. Но сарай пустовал недолго. Очень скоро там оказалась её дочка. Любящие дети переселили её туда на освободившееся место и относились к ней ещё хуже, чем к её матери. Время было суровое. Она там быстро одичала. Когда мимо её сарая проходили в сортир люди, она бранила их последними словами и бросалась калом. Она умерла, не дожив до конца войны.

Мазю мать увезла от греха подальше на родину, где не знали об его еврейских корнях. Там он, сменив фамилию и имя, благополучно пересидел войну, а позже даже стал известным шашистом. Но там же он пристрастился к самогонке и к тридцати годам стал законченным алкоголиком. Что стало с ним потом, Лешик не известно. Мазин приятель Плешь стал известным патологоанатомом и живёт где-то в столице. Вилли Кайзербрехт пошёл добровольцем в немецкую армию, попал в войска СС и был убит в жестоких боях под Курском.

Монькина мать сначала встретила приход немцев с большим энтузиазмом. Она всем говорила, что немцы наведут наконец порядок в этой варварской стране. Однако первые восторги вскоре сменились глубоким разочарованием. Их бывшие друзья и коллеги дали им недвусмысленно понять, что общение с ними крайне не желательно. А последовавшие вскоре ограничения и репрессии против еврейского населения окончательно прояснили для неё сложившуюся ситуацию. Тогда с присущей ей энергией она стала реализовывать имеющиеся ценности и переводить их в золото и драгоценности в надежде выбраться из страны. Однако сделать это было уже невозможно.

Муж воспринял всё произошедшее философски. Он привёл в порядок свои документы с итогами работ за последние годы и передал их вместе с микроскопом Ференцу Экели. Куда делись потом эти документы, Лешик не знает.

Все последующие события Монькин отец воспринял хладнокровно, разделив участь остальных евреев с Жидовской улицы.

Ференц Экели как представитель дружественного немцам государства неожиданно оказался в превилегированном положении. Его продвинули по службе и повысили зарплату. А он оборудовал в сарае подземное убежище - схрон, где он прятал свою дорогую Фруму. По ночам он выводил её подышать воздухом. Они сидели во дворе на скамейке в тени дома. Потом шли в дом, где её ждала горячая вода и вкусный ужин.

В январе 1943 года сосед, вышедший по нужде во двор, увидел во дворе у Ференца женские следы на снегу. Он тут же побежал к живущему неподалёку Стасу Шиккульскому, который к этому времени устроился в полицию. Стас пьянствовал дома с двумя приятелями - полицейскими. Схватив оружие, они побежали за предателем к дому Ференца.

По дороге был выработан план операции. Так как двери и ставни в доме были сработаны самим Ференцем, неожиданно ворваться в дом не представлялось возможным. Было решено воспользоваться помощью соседа, чтоб выманить Ференца на улицу.

Всем было известно, что Ференц делал прекрасные лечебные настои из различных трав, чем он очень гордился. Поэтому сосед, постучавшись, сказал, что у жены приступ астмы, она буквально задыхается, и только Ференц может её спасти. Когда Ференц приоткрыл дверь,

стоявший за дверью Стас рванул её на себя и ворвался в сени. Но Ференц сумел оттолкнуть его и схватить стоящий у стены топор. Он успел рубануть Стаса топором по голове, но был изрешечён пулями полицейских. Падая, Ференц заблокировал своим телом дверь в комнату, как будто в последние мгновения своей жизни хотел защитить Фруму от непрошенных гостей. Полицейским пришлось изрядно потрудиться, оттаскивая его тело от двери.

Затем полицейские ворвались в дом, бросили Фруму на пол и принялись избивать её ногами. Труп Стаса полицейские унесли к нему домой, предварительно вытащив изуродованные трупы Ференца и Фрумы во двор. Там они лежали на снегу до утра, а потом были увезены полицией. Предатель - сосед с женой той же ночью вынесли из разгромленной квартиры всё ценное.

Известие о ночном бое облетело весь прилегающий район. Все единодушно сходились во мнении, что Ференц умер, как и жил - достойно, а Стас получил по заслугам.. Собаке – собачья смерть.

Соседа - предателя старались избегать, и он, опасаясь преследований, уехал в 1944 году с семьёй из города.

На утро после происшествия к дому Ференца потянулись любители поживиться, сочувствующие и просто любопытные. Из дома вывели всё, что не успел или не захотел взять сосед. Лешик тоже побывал там. Неожиданно он обнаружил утерянную кем-то из мародёров и затоптанную в сугробе знаменитую губную гармошку Ференца. Эта дорогая для него реликвия и по сей день хранится у Лешика в доме.

Имелся у Лешика и приятный сюрприз. Их общий друг Монька сумел пережить оккупацию у знакомых отца на глухом хуторе у границы с Литвой. В 1944 году он сумел перебраться на территорию Литвы, был мобилизован в Красную Армию, попал в училище, но повоевать не успел. После войны он поступил и окончил Каунасский медицинский институт. Работал хирургом в Новой Вильне под Вильнюсом. Они переписывались с Лешиком какое-то время, но потом он перебрался в другой город, и связь оборвалась. В заключение, Лешик передавал Рувиму привет от своей жены Марыли и надеялся, что Рувим её ещё не забыл. Лешик работает электриком на фабрике, а Марыля преподаёт в музыкальной школе. Никого из родных у неё не осталось. Нет уже и того старого дома - его снесли. Они с двумя дочерьми и тремя внуками живут в многоэтажном современном доме. Были бы рады опять встретиться с Рувимом.

Известие о том, что Монька жив, крайне обрадовало Рувима. Раз живы Монька, Лешик, Марыля и он, Рувим, а так же их дети и внуки, значит ещё не всё потеряно, значит жизнь продолжается. А Моньку он найдёт обязательно - рано или поздно.